

ԵՐԵՎԱՆԻ Կ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ
ԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԿԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.Я. БРЮСОВА
YEREVAN STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
AFTER V. BRUSOV

**“ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРЫ”**

Тезисы
3-5 июня

«ԼԵԶՈՒՆ՝ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՄԻՋՈՑՈՎ»
Թեզիսներ
3-5 հունիսի

**“LANGUAGE THROUGH
CULTURE”**

Abstracts
3-5 June

ЕРЕВАН – 2008

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Я. БРИУСОВА**

**Երևանի Վ.Բրյուսովի անվ. պետական լեզվաբանական
համալսարան**

Yerevan State Linguistic University after V. Brusov

**“ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРЫ”**

Тезисы
3-5 июня

«ԼԵԶՈՒՆ՝ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՄԻՋՈՑՈՎ»

Թեզիսներ
3-5 հունիսի

**“LANGUAGE THROUGH
CULTURE”**

Abstracts
3-5 June

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИНГВА»
2008**

УДК 06:80:008
ББК 81+71
Я 411

Печатается по решению ОРГКОМИТЕТА международной конференции "Язык сквозь призму культуры".

Редакционная коллегия

Золян С.Т. – д.ф.н., проф., ректор ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова
Казарян Д.М. – к.ф.н., доцент, ответ. редактор
Абрамян К.Ш. – д.ф.н., доцент, член коллегии
Маргарян С.А. – к.ф.н., доцент, член коллегии
Оганесян Н.С. – к.ф.н., доцент, член коллегии
Оганесян Г.Р. – д.ф.н., проф., член коллегии

Я 411 "Язык сквозь призму культуры". Тезисы международной конференции. –Ер. «Лингва», 2008. Стр. 146.

Редкол. *Казарян Д.М.* и др.

ББК 81+71

ISBN 978-99930-79-99-6

© Лингва, 2008

Dear Sir/Madam

*Yerevan State Linguistic University after V. Brusov kindly invites you
to participate in the International Conference*

«LANGUAGE THROUGH CULTURE»

*which will be held on June 3-5, 2008
at YSLU after V. BRUSOV*

Opening at 12.00, YSLU Holiday center, Tsakhkadzor

Уважаемый (ая) коллега!

*Ереванский государственный лингвистический университет
им. В.Я. Брюсова приглашает Вас принять участие в
международной конференции*

“ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРЫ”

*которая состоится с 3-5 июня, 2008г. в ЕГЛУ им В. Я.
Брюсова.*

*Открытие конференции в 12.00 в доме отдыха ЕГЛУ
Цахкадзор*

PROGRAM/ПРОГРАММА

День Первый
3 июня

10.30 -11.30 - *Завтрак*

11.30-12.00 – *Регистрация участников конференции*

Пленарное заседание
12:00 -13:45

Приветственное слово
ректора ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова,
д.ф.н., проф. С.Т. Золяна

1. Н.В. Уфимцева, д.ф.н., проф., Московский государственный лингвистический университет(МГЛУ) *“Культура сквозь призму языкового сознания”*

2. В.Е. Чернявская, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов *“Какие текстовые границы нужны лингвисту в когнитивно-дискурсивной парадигме? Поликодовые и гибридные тексты”*

3. M. Lotman, Doctor of Science in Philology, Prof., Tallin State University *“Cognitive Patterns of Fear in Different Languages.”*

4. С.Т.Золян, д.ф.н., проф., ЕГЛУ им. В.Брюсова *“Язык и дискурс”*

14:00-15:00 – *Обеденный перерыв*

День первый
3 июня

**Секция 1 – Прагматика, текст,
дискурс и проблемы перевода
15:00-16:30**

Председатель секции – **Г.Р. Гаспарян**,
к.ф.н., доцент ЕГЛУ им.В.Брюсова

- 1. Г.А.Радько**, Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ) *“Перевод как межъязыковая и межкультурная коммуникация”*
- 2. Б.О. Маргарян**, к.ф.н., ЕГЛУ им.В.Брюсова *“Экспрессивная графика текста как компонент семантической структуры и способы ее передачи в переводе (на материале рассказов Э.А.По и их переводов на армянский и русский языки).”*
- 3. Э. Нинуа**, д.ф.н., Тбилисский государственный университет им. И. Чавчавадзе *“Коммуникативно-прагматический потенциал метаграфемы в полифоническом повествовательном контексте”*
- 4. А. М. Минасян**, к.ф.н., ЕГЛУ им.В.Брюсова *“Прагматическая установка на активизацию структур знаний, релевантных для понимания концептуальной информации”*
- 5. D. Hambardzumyan**, Doctor of Science in Philology, Associate professor, YSLU *“The Implication of “A Portrait of the Artist as a Young Man” by J. Joyce Conceivable Through “Background Knowledge”*

День первый
3 июня

**Секция 2 – Проблемы методики
преподавания языков**

15:00-16:30

Председатель секции – **О. Н. Будняя**, к.пед.н., ПГЛУ

1. Э. Ксоврели, к.ф.н., Тбилисский гос. университет им. И. Чавчавадзе *“Многоязычие в киберпространстве как обязательный компонент подготовки многоязычных специалистов”*

2. О. Н. Будняя, к.пед.н., ПГЛУ *“Основные тенденции обновления содержания обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке в вузе в условиях поликультурной среды”*

3. М. Kharatyan, PhD in Education, YSLU,
N. Minasyan, Vanadzor State Pedagogical Institute *“The Role of Intercultural Competence in Foreign Language Teaching and Learning”*

4. Ш. А. Явурян, Армянский государственный педагогический университет *“Проблемы преподавания английской политической лексики в языковом вузе”*

16.30-17.00 – Кофе-брейк

День первый
3 июня

Секция 3 - Вопросы лингвокультурологии и теории коммуникации

17.00-18.30

Председатель секции – **Н.В.Уфимцева**,
д.ф.н., проф., МГЛУ

- 1. Е.И. Шлыкова**, ПГЛУ *“Формирование межкультурной компетенции в рамках поликультурного пространства”*
- 2. F. Hovhannisyan**, Candidate of Science in Philology, YSLU *“Proverbs as a Means of Understanding Different Cultures through Language Learning”*.
- 3. Н. Isahakyan**, Gyumri State Pedagogical Institute *“Culture Shock”*
- 4. Л.Г. Давыденко**, доцент, ПГЛУ *“Культура речи – условие эффективной коммуникации”*.
- 5. Г. В. Маркосян**, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова *“Иноязычная лексика в контексте межкультурной коммуникации”*
- 6. Т. Б. Витман**, к.ф.н, доцент, Санкт Петербургский гос. университет экономики и финансов *“Диалог культур (на примере Франции и России).”*
- 7. К. Гоголашвили**, к.ф.н., доцент, Тбилисский государственный университет им. И. Чавчавадзе *“Роль языковых элементов в воссоздании картины контактов древних культур”*

18.30-19.00 – Обсуждение докладов и выступлений

19.00-20.00 – Ужин

День второй
4 июня

09.00 – 10.00 – Завтрак

**Секция 4 – Проблемы современной
лексикологии и дериватологии**

10.00- 12.00

Председатель секции – **Э. Нинуа**, д.ф.н., Тбилисский
государственный университет им. И. Чавчавадзе

- 1. О. В. Балясникова**, к.ф.н., Институт языкознания РАН
“Антонимические пары в ассоциативно-вербальной сети”
- 2. Т. Ходжаян**, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова
*“Коннотативные значения глаголов, выражающих
неопределенность знания.”*
- 3. Г. Г. Амбардарян**, д.ф.н., Гюмрийский государственный
педагогический институт *“К вопросу эмоциональной оценки
редуплицированных образований (на материале армянского,
русского и английского языков)”*
- 4. Т.П. Кожелупенко**, ПГЛУ *“Сленг как социально –
психологическая категория”*
- 5. К.Ш. Абрамян**, д.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова
“Когнитивное словообразование и языковая картина мира”.
- 6. А. Оганесян**, д.ф.н., Ю. Сафьян, к.ф.н., доцент, Гюмрийский
государственный педагогический институт *“О
социокультурном формате армянского ономастикона в
зарубежной лингвистической лексикографии”*
- 7. G. Yeghiazarian**, Candidate of Science in Philology, Yerevan
Northern University *“Language, Culture and Cognition. Cultural
Markedness of Phraseological Units”*

День второй
4 июня

**Секция 5 - Сопоставительное изучение языков и
межкультурная компетенция**
10.00- 12.00

Председатель секции – **О.А. Махнева**,
к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов

- 1. О.А. Махнева**, к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов *"Сравнительно-сопоставительное изучение лексики как фактор формирования межкультурной компетенции"*.
- 2. Л. А. Бадалян**, ЕГЛУ им.В.Брюсова *"Культурно-языковые факторы и их отражение в словообразовательных возможностях глаголов (на мат. англ. и арм. языках)."*
- 3. А. Hayrapetyan**, Candidate of Science in Philology, YSLU *"On Cultural Universals in English and Armenian Phrases containing Food Names"*
- 4. L. Asatryan**, YSLU *"Special Cases of Ellipsis in English and Armenian: A Communicative Approach"*
- 5. T. Kharatyan**, Vanadzor State Pedagogical Institute *"Main Verbal Expressions of English Politeness and their Equivalents in Armenian"*
- 6. V. Luarsabihvili**, Tbilisi State University after I. Chavchavadze *"The Facets of the Concept of Romantic Literature reflected in Diverse Cultural and Linguistic traditions of Georgian, Russian and Spanish languages"*
- 7. Л. Е. Маркосян**, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова *"Концепт 'действие' и его спутники в русском и армянском языках"*.

12:30 – 13:30 - Обеденный перерыв

День второй
4 июня
Секция 1 - Прагматика, текст, дискурс и проблемы
перевода
13.30-14:30

Председатель секции – **В.Е. Чернявская**, д.ф.н., проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и
финансов

- 1. С. А. Багдасарян**, к.ф.н., доцент,
С. М. Гюрджаянц, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова
"Языковые особенности спортивного комментария."
- 2. Л. Г. Флджян**, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова
"Глобальная коммуникация как новая культура"
- 3. Е. В. Белоглазова**, к.ф.н., доцент, Санкт Петербургский гос.
университет экономики и финансов *"Полидискурс как объект
лингвистического анализа"*.
- 4. Е.В.Авакимова**, ЕГЛУ им.В.Брюсова, **К.А.Налчаджян**, к.
псих. н., доцент, ЕГЛУ им.В.Брюсова *"Психологическое
воздействие дискурса на межличностное и межгрупповое
восприятие при межкультурной коммуникации"*

14:30-15:00 – Кофе-брейк

День второй
4 июня

*Продолжение секции 1 - Прагматика, текст,
дискурс и проблемы перевода*
15.30 – 16.30

Председатель секции – **В.Е. Чернявская**, д.ф.н., проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и
финансов

1. R. Museyan, Yerevan Northern University “*Tattoos as Bearers of Cultural Information*”

2. М. В. Юдсон, аспирант МГЛУ “*Учет прагматических факторов при переводе публицистики*”.

3. М.Л. Авакова, аспирант ПГЛУ “*Дискурсивные частицы и грамматикализация*”

4. E. Galstyan, Candidate of Science in Philology, YSLU “*The Role of Frames in Political Discourse*”

16:30-17:00 – *Кофе-брейк*

17.00-18.00 – *Обсуждение докладов и выступлений*

19.00-20.00 - *Ужин*

***День третий
5 июня***

09.00-10.00 – Завтрак

***Заключительное пленарное
заседание
10.30-12.00***

1. Л.Г. Брутян, д.ф.н., проф., ЕГУ *“Гендерные различия в обращениях как проблема межкультурной коммуникации”*

2. Г.Р. Гаспарян, к.ф.н., доцент, ЕГЛУ *“Когнитивная база как основа формирования глобальной связности текста в межкультурном пространстве”*

3. Дубовский Ю.А. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ф.н., проф., ПГЛУ *“Просодические особенности диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом в английском языке”*

4. G. Hovhannisyan, Doctor of Science in Philology, Prof., YSLU *“Global English and Intercultural Communication”*

12.00-12.30 - Кофе-брейк

12:30-13:30 - Отчеты председателей секций. Подведение итогов.

13.30-14:30 – Культурная программа

14:30-15:30 - Обеденный перерыв

16.00- Отъезд участников конференции

Пленарное заседание

**Уфимцева Н. В.
Института языкознания РАН**

Культура сквозь призму языкового сознания¹

Культуру вслед за Э.С.Маркарянном мы понимаем как исторически сложившийся способ деятельности, языковое же сознание вслед за Е.Ф.Тарасовым - как опосредованный языком образ мира той или иной культуры.

Образ мира (или этническая картина мира), в свою очередь, является основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде, «это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать» (Лурье 1997: 221).

Образ мира характеризуется, прежде всего, своей системностью. Именно системные свойства культурных предметов создают наибольшие трудности в межкультурном общении, ибо не заданы в наблюдении.

Вопреки привычному представлению, человек, знающий только один родной язык, владеет двумя языками: внутренним языком интеллекта, концептуальным (служит для мышления), и внешним, формальным, который служит для общения с другими людьми (Н.И. Жинкин). Таким образом, общение в рамках родной культуры – это постоянное взаимодействие этих двух языков, постоянный перевод с внутреннего языка на внешний (при порождении речи) и с внешнего языка на внутренний – при понимании. Овладение вторым языком вне культурной среды этого языка, приводит лишь к билингвизму, а не к бикультурности, поскольку индивид овладевает лишь внешним, формальным языком данной культуры. Образ же мира, т.е. те знания, с которыми работает внутренний язык, принадлежат

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-0055а.

родной культуре. Это значит, что в случае искусственного билингвизма формируется лишь умение переводить образ мира своей культуры на внешний формальный язык другой культуры.

Системность образа мира той или иной культуры вскрывается по результатам массовых ассоциативных экспериментов через построение ядра языкового сознания, т.е. выделения центральных для данной ассоциативно-вербальной сети единиц. Эта структура отличается большой устойчивостью во времени, и усваивается очень рано в онтогенезе. Можно предположить, что она формируется в начале этногенеза каждого этноса и определяется той религией, которая лежит в основе культуры данного этноса.

Предполагается обсудить результаты сравнения ядра языкового сознания русских, англичан, немцев, испанцев, с одной стороны, и русских, украинцев, белорусов, болгар, поляков, с другой.

Чернявская В.Е.

Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов

Какие текстовые границы нужны лингвисту?

Поликодовые и гибридные тексты

Вопрос о границах предмета исследования – ключевой в любой науке. Традиционно проблема границ текста – его протяженности, отграниченности от других категорий – рассматривалась типологией текста, членящей текстовый континуум на виды, жанры, типы. Конец XX века, отмеченный усилением дискуссий о статусе текста вообще, сущности текстуальности и ее качественных характеристиках, показал кардинальную проблему для текстотипологических исследований. Очевидно, что лингвистика текста и ее центральная часть – типология текста должны обладать объяснительным потенциалом, чтобы избежать маргинальной роли и вообще растворения своего предмета в общем потоке

теорий и направлений. *Что должна объяснить лингвистическая теория в связи с вопросами стандартов и моделей текстопостроения, чтобы не «топтаться на месте» и избежать циркулярных определений «по замкнутому кругу»? Включение в поле зрения каких фактов и каких новых разработок обеспечит расширение исследовательского кругозора науки о языке?*

Поставленный вопрос и предлагаемый в докладе подход продиктован взглядом на *типологию текста в ее процессуальности*. Сохраняется ли необходимость изучения текстовых разновидностей в строгих границах типов / жанров? Остается ли задачей лингвиста поиск строгих внутренне непротиворечивых классификаций текста? Что означает отсутствие строгих границ в типологии текста?

Реальная коммуникативно-речевая практика делает очевидным факт существования т.н. **гибридных**, смешанных, контаминированных типов текста. **Монтаж текстовых типов** – одно из возможных проявлений текстовой гибридации. **Поликодовые тексты, т.н. коммуникаты** как единство различных семиотических систем, вербально-визуальные блоки – другое проявление текстовой гетерогенности.

Динамическая процессуальная модель текста и текстопорождения, выдвинутая сегодня на первый план, позволяет дать новое объяснение, казалось бы, парадоксальному факту: отсутствие резких, непреодолимых границ в текстовом континууме, еще точнее – гибкость и подвижность таких границ, сама возможность нарушить стандарт, текстообразовательный канон не ставит под сомнение объяснительную силу лингвистических теорий, но как раз является необходимым условием для успешной коммуникации в человеческом обществе в ее многообразных ситуативно обусловленных проявлениях.

В докладе привлекается внимание к тому, как текстонормирующие стандарты функционируют в резерве неправильностей, вариантов, повторяемостей, отклонений.

Текстовая гетерогенность как размывание стандартов, функционирование текста в несвойственных для него коммуникативных условиях рассматривается как проявление

креативности субъекта речи, выражаемое, в частности, в выборе последним разноплановых моделей, в их видоизменениях, особенностях интеграции в когерентную целостность, при установлении соответствия / несоответствия продуцируемых текстовых структур принятым стандартам, выяснении причин отклонений от этих стандартов.

**Лотман М.
Таллинский университет, Эстония**

Лингво-семиотические модели страха

1. Обычно страх рассматривается в ряду психофизиологических феноменов, реже – явлений, представляющих философский интерес. Знаковые механизмы страха при этом или не учитываются вовсе, или трактуются как нечто маргинальное.
2. В феномене страха отчетливо проступает внезапная составляющая, поэтому страх принципиально не сводим к семиотическим моделям. (В этом смысле имеет принципиальное значение асимметричность противопоставления трагического и комического). Тем не менее, в самом феномене страха отчетливо выделяется целый ряд специфических лингво-семиотических аспектов, анализ которых имеет принципиальное значение не только для более адекватного описания природы страха, но и для семиотической теории (Лотман 2001).
3. В сообщении рассматриваются следующие проблемы:
 - 3.1. Когнитивные модели страха и их лингвистическая обусловленность.
 - 3.2. Различные формы глоссофобии в русской культуре.
 - 3.3. Страх как семиозис.
4. Смысловое поле страха даже в лингвистически и культурно близких средах членится принципиально различным образом. Так, если английское *fear* более или менее соответствует русскому *страху*, то *scare* характеризуется принципиально иной когнитивной моделью (ср. также

анализ немецкого *Angst* в Вежбицкая 1999). Особое значение имеет соотношение страха и опасности, а также пространственные характеристики «тела страха» (Лотман 2005). В докладе рассматриваются модели страха в эстонском и русском языках.

5. Глоссофобия на индивидуальном уровне проявляется преимущественно в форме страха перед говорением (как правило, публичным, но в тяжелых случаях – любым). Обратной стороной глоссофобии является боязнь немоты (ср. у Мандельштама). На уровне целой культуры имеет смысл выделить особый вид глоссофобии – боязнь (чужих) языков. В средневековой русской культуре в условиях церковнославянско-русской диглоссии культурная глоссофобия принимает парадоксальную форму: в статуса языка оказывается лишенным не *чужое*, а *свое*. Любой язык выступает в качестве чужого и опасного, в то время как «славянский» принципиально вычленивается из языковой сферы. Рефлексы этих представлений отчетливо прослеживаются и в современной русской речевой культуре (Лотман 2004).
6. Если экзистенциальные и психоаналитические концепции страха выводят его за пределы знаковости (страх – это сфера немоты и пустоты) и соответствующие механизмы действительно имеют важное значение, то не меньший интерес имеют и противоположные механизмы, в результате которых страх вырабатывает свой язык и стратегии текстопорождения.

Литература

1. Вежбицкая 1999. Анна Вежбицкая. *Angst*. *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки русской культуры, с. 547-610
2. Лотман 2001. М.Ю.Лотман. Страх: семиотика культуры и феноменология (к постановке проблемы). *Sign Systems Studies* 29.2. Tartu Ülikooli kirjastus, сс. 417-439
3. Лотман 2004. Глоссофобия в русской культуре (к постановке проблемы). Karin Grellt & Susanna Witt (Eds.). *Telling Forms: 30 essays in honor of Peter Alberg*

Jensen. [Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature, 37], Stockholm: Stockholms Universitet, с. 232-241

4. Лотман 2005. О семиотике страха в русской культуре. *Семиотика страха* (Под ред. Норы Букс и Франсиса Конта). Сорбонна, Русский институт. Париж-Москва: Издательство «Европа», сс. 13-35

**Золян С.Т.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

Язык и дискурс

1. Как уже неоднократно отмечалось начиная с уже ставшей классической работы Томаса Куна, изменение научной парадигмы – это изменение фундаментальных для предшествующего периода интерпретаций. В гуманитарных науках, где особо сильна терминологическая инерция и словарь описания не подлежит радикальному изменению, с особой наглядностью проявляется то, что меняется не столько концептуальный аппарат, сколько стиль оперирования базовыми концептами. Может сложиться ситуация, что постепенно эти стилистические, на первый взгляд, изменения приводят к столь значительным концептуальным изменениям, что от самого концептуального аппарата остается только набор этикеток: означающие могут оставаться прежними, но им либо уже ничего не соответствует, либо же они отсылают к новым концептам, которые незаметно вытеснили прежние. Достаточно вспомнить хотя бы уходящую в античность терминологию школьных грамматик. Подобная консервация прежней концептуальной системы также важна, ибо обеспечивает преемственность и плавность перехода от старой парадигмы к новой. Но одновременно эта же ситуация не позволяет увидеть появление порожденных новой методологией объектов.

Безусловно, в этом процессе возникают новые понятия, которые, не находя для себя подходящего места, занимают "чужую" знаковую оболочку. В этом отношении многие

сегодняшние проблемы лингвистики возникают как результат переходного состояния - когда налицо отход от структуралистского понимания языка и вместе с тем большей частью используется порожденный структурализмом инструментарий. В семиотике, литературоведении и философии происходит отказ от описания языка как поэтапной экспликации иерархии структур - в первую очередь, благодаря Умберто Эко, а также Деррида, распространившего критику "логоцентризма" и на лингвистическую теорию структурализма. Однако в самой лингвистике понятие структуры ревизии не подвергалось - отрицать структурность языка могли позволить себе лишь самые смелые лингвисты - как, напр., Б.М.Гаспаров, который, впрочем, более известен музыковедческими и литературоведческими исследованиями. Но не отказываясь от понятия структуры, лингвистика с середины 90-х гг. как бы оставляет его в стороне, сосредотачиваясь на изучении дискурса. Единицы языка и лингвистические явления начинают соотносить не столько с их *отношениями в системе-структуре*, сколько с *функциями в дискурсе*. Так появляется новый объект исследования, и многочисленные исследования, во-первых, пытаются ответить на вопрос: что есть дискурс, а во-вторых, описать и тем самым определить в системе привычных лингвистических понятий - в первую очередь, применительно к наиболее фундаментальным категориям как Язык - Речь. Наиболее популярное понимание сводится к тому что это промежуточное образование между речью и языком, являясь своего рода "языком" для речи и "речью" для языка². При этом становится очевидным, что это соотношение между языком и речью может воспроизводиться бесконечное количество раз.

² Ср. с приведенным в электронной энциклопедии "Кругосвет" определением: "Переход от понятия речи к понятию дискурса связан со стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи, принадлежащее Ф. де Соссюру, некоторый третий член – нечто парадоксальным образом и «более речевое», нежели сама речь, и одновременно – в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое (статья "Дискурс")".

Так, между языком как системой и политической статьей о войне в Ираке можно привести промежуточные ступени - политический дискурс - дискурс о войне - дискурс о войне в Ираке - либеральный дискурс о войне в Ираке - либеральный антиамериканский дискурс о войне в Ираке и т.д. Но такая дифференциация в свою очередь есть результат скорее политической (политологической), нежели лингвистической компетенции, а указанные типы дискурса это не столько новые лингвистические объекты, сколько ступени редукции абстрактного объекта (языка) к конкретному акту речи.

Понимая, что метод описания в состоянии породить и наделять лингвистической реальностью соответствующий объект описания (напр. понятие “фонема”), тем не менее в случае дискурса возникает не новый и особый лингвистический объект, *а новый ракурс изучения языка*. Изменяется не сам объект описания, *а модус описания* – это не язык в себя и для себя, а язык к его соотнесенности с речью.

Уместно напомнить, что в концепции Соссюрианского структурализма понятие речи не есть самостоятельный объект, а производное от понятия “язык”, это скорее создаваемая методологией тень от понятия “языка”. Безусловно, и само понятие “язык” есть абстракция и конструкт. Изменение ракурса рассмотрения приводит к смещению и как следствие возникает другая тень: если прежде тенью понятия язык была речь, то при новом угле рассмотрения и иной конфигурации когда язык и речь берутся как пара объектов (или парный объект) возникает уже другой фантомный объект, непохожий на прежнюю речь и поэтому называемый дискурсом.

2. Не случайно, что вначале понятие дискурса в лингвистическом смысле появляется у Бенвениста в значении *устной речи*. Это послужило началом осознания того факта, что дихотомия *язык-речь* не низводит речь к тривиальной реализации (манифестации) языка, при которой безразлична форма реализации: отображение языка в речь имеет свои особенности и что различиям в реализации языка в особых условиях соответствуют различные лингвистические объекты. Дискурс не отменяет и не подвергает сомнению предшествующие концепты - он просто делает их ненужными -

как, напр. оказывается ненужной (неуместной в буквальном смысле) и не требует переформулировки уровневая модель языка. При подобном подходе, видимо, предполагается, что язык как структура уже явлен и описан, поэтому можно сосредоточиться не на формальной, а на содержательной организации языковых единиц. По сути такой подход очень похож на перевернутый вариант античных взглядов на синтаксис - предложения состояются из слов в соответствии со смыслами, а не правилами языка, а язык - это правильный выбор форм из наличествующих образцов.

Теперь же, напротив, правила языка переносятся на синтагматику смыслов - тогда как выбор форм - нижний и бессознательный уровень языковой деятельности - относятся к чисто технологическим задачам, перестав быть центральной проблемы лингвистики и переместившись в сферу ее прикладных аспектов. Античные грамматики исходили из того, что люди знают что сказать и проблема в правильном оформлении сказанного, и это они пытались эксплицировать посредством образцов-парадигм. Современные лингвистические теории, напротив, создают впечатление, что теоретической экспликации подлежат когнитивные аспекты грамматики, тогда как ее формальные аспекты очевидны (или тривиальны). Соответственно, в своей когнитивной деятельности говорящие так же обречены следовать готовым принятым моделям (паттернам), как в грамматике - парадигмам.

3. Как известно, Соссюр в качестве объекта лингвистики рассматривал триаду : языковую деятельность и ее два неотделимых аспекта - язык и речь. Язык в его противопоставленности речи у Соссюра выступает не как объект, а как аспект. Это - социальная, абстрактная, регулярная и контекстно-независимая формальная сторона языковой деятельности, в то время как индивидуальный, конкретный, окказиональный, контекстно-зависимый и потому включающий содержательный компонент аспект – это речь.

Таким образом, теория Соссюра в качестве объекта рассматривает языковую деятельность и ее два аспекта (язык и речь), однако фактически рассмотрению подлежал только один - " язык в себе и для себя ". Подобный подход – собственно

структурализм или структурализм в классическом виде - мог быть последовательно реализован только до тех пор пока структурная лингвистика не вбирает в себя уровня предложения (именно предложения, а не составляющих его синтагм- как в модели Л. Теньера и отчасти Л.Блумфильда). Сам Соссюр, как бы предвидя, какими бедами для структурализма грозит признание предложения как единицы анализа, исключал из его из сферы языка и относил его исключительно к сфере речи, поскольку под языком он понимал только готовые формы: инвентарь языковых единиц, но не включал правила оперирования этими единицами. Соссюр, конечно же, непоследователен, поскольку непонятно, как возможно предполагать наличие такого явления в сфере речи, которое не имеет коррелята в сфере языка и непонятно, реализацией чего оно оказывается. Безусловно, в этом можно было увидеть упущение, которое нетрудно было исправить, доведя теорию до ее логического завершения. Это и было предложено Бенвенистом - в числе прочих достаточно серьезных поправок, но которые понимались им как естественное продолжение Соссюровской теории. Ведь если строя предложение говорящий основывается на *заданных*, то есть принадлежащих языку правилах, то и результат применения этих правил оказывается предопределенным языком и также принадлежит языку. Именно подобный подход наиболее полно и последовательно реализуется в теориях языка Хомского. Объявив себя анти-структуралистом, Хомский, конечно же, имел в виду его не европейскую, а американскую версию. В действительности Хомский практически одновременно с Бенвенистом создает новую версию структурализма, в которой центральным персонажем лингвистической теории является не фонема, а предложение. Тем самым в структурализм был внесен недостававший ему динамизм и творческий аспект, а говорящий наконец-то получил свободу воли, которой он был лишен еще со времен античных парадигм. В самом деле, реализуя фонему в звуках говорящий использует рутинные и не допускающие вариации схемы и скорее не язык, а говорящий выступает как механизм. "Не ты говоришь, ЯЗЫК ГОВОРИТ", - как ни парадоксально, но эта знаменитая формула Хайдеггера

оказывается как нельзя кстати. Особенно, если привести ее в полном виде³.

4.1. Однако довольно скоро выясняется, что предложение и его корелляты в сфере речи – высказывание-представление собой различные семантические объекты. Формирование (порождение) предложения можно представить как рекурсивный лингвистический алгоритм, который автономен и не зависит от контекста, тогда как высказывание есть взаимодействие этого алгоритма с неким другим имплицитным механизмом соотнесения контекста с языком в целом. Как пронизательно указывал Бенвенист, говоря о присвоении языка говорящим, посредством высказывания с контекстом соотносится именно язык взятый как целое, а не только лежащая в основе данного предложения некоторая ограниченная цепочка правил языка. Это с необходимостью приводит к разграничению между предложением и высказыванием, причем если вначале высказывание (utterance) понималось лишь в этимологическом смысле, как физическое озвучивание предложение (В. Куайн), то впоследствии оно понимается как особый коммуникативный объект. Формально совпадая⁴ они обладают различными семантиками: предлагаем читателю проинтерпретировать предложение "я - великий ученый" и убедиться, что ему будет соответствовать столько же интерпре-

³ Поэтому спросим: как пребывает язык как язык? И ответим: язык говорит. Но что, это серьезный ответ? Если так, то надо выявить, что значит говорить. Захотеть помыслить язык - это значит вступить в говор языка, для того чтобы пребывать при языке, т.е. быть при его, а не при своем говорении. Только так достигнем мы сферы, внутри которой, удачно или нет, язык проговорит нам свою сущность. Язык мы уступаем говору. Мы не можем ни обосновать язык чем-то другим, нежели он сам, ни объяснить другое языком.

⁴ Правда, не совсем понятно, как могут совпасть формальный абстрактный объект и конкретная цепочка звуковых или графических сигналов, хотя в свое время Н. Хомский и предложил при задании правил преобразования глубинных структур в поверхностные ввести понятие нулевого преобразования (нулевой трансформации), что и можно рассматривать как приемлемый выход из методологической ямы.

таций, сколько у нее будет читателей. Понятие дискурса развивается параллельно изменению взгляда на язык – язык уже не только “система чистых отношений” и даже не динамичный механизм порождения структур. Он рассматривается уже не столько как порождающий, сколько интерпретирующий механизм. А при порождении не структур, а интерпретаций – неизбежно рассмотрение механизмов контекстуализации.

4.2. Если обратиться к современным теориям дискурса, то при всем разнообразии представленных точек зрения преобладающим является взгляд на дискурс как промежуточную область между языком и речью, представленный в вышеприведенной сноске. Сами по себе попытки найти промежуточные ступени между речью и языком не новы - можно сослаться на языковые регистры М. Хэллидея или на выдвинутую еще в 20-х г.г. идею речевых жанров М.М. Бахтина, а также на работы В.В. Виноградова вплоть до разграничения давно известных функциональных стилей и подстилей языка. Тем не менее ранее подобные подходы оставались на периферии лингвистической теории, теперь же они претендуют занять центральное место. Об изменении парадигмы может свидетельствовать употребление слова "дискурс" в нестрогом и максимально широком смысле: сегодня в гуманитарных науках вместо неопределенного нестрогого употребления слова "язык" предпочитают столь же расплывчатым образом использовать слово "дискурс". Продолжение этой логики может привести вплоть до отказа за ненадобностью от самого понятия "язык" как ключевого, и для этого имеются вполне аргументированные резоны.

В самом деле, сейчас уже стало очевидным, что если вместо собственно соссюровского понимания языка как абстрактного аспекта языковой деятельности понимать приписываемое Соссюру структурализмом понимание языка как иерархически доминирующей абстрактной системы, то второе понимание уже с 60-х можно считать теоретически дезавуированным - когда под языком стали понимать уже систему систем. Действительно, язык как таковой попросту не существует: то, что носители языка и лингвисты называют языком (напр., армянским, китайским, русским) есть не только множество иерархически связанных и весьма по-разному

организованных систем-уровней языка, но и система систем социальных, исторических, ареальных и функциональных и прочих вариантов языка, и нет и не может быть такого инвариантного описания, представляющего их центральное ядро⁵. Единство такого объекта как армянский язык взятого в совокупности всех его вариантов обеспечивается не наличием наиболее абстрактной структуры - инвариантной для всех его вариантов, а понимается скорее как семейное сходство или как правила межмировых переходов (в смысле модальной логики). Поэтому, если понимать под речью результат реализации (манифестации) некоторой абстрактной структуры, то явно не хватает промежуточных звеньев, на роль которых и претендовали понятия, подобные регистрам языка, жанровым, стилистическим и прочим подобным подсистемам. Обобщенно их можно охарактеризовать как *системы не-универсальных (или частичных или факультативных) правил*. Тем самым мы можем конкретизировать вышеприведенное понимание дискурса - это не отличный от языка объект, а тот ракурс его описания, при котором фиксируются *не-универсальные (или частичные или факультативные) и контекстно-обусловленные зависимости и язык предстает как упорядоченное множество – но не самих элементов, а - контекстно-зависимых не-облигаторных моделей их использования*.

5. Согласно Соссюрианским представлениям, язык не может зависеть от сферы его употребления – это уже относится к внешней лингвистике.. Единственное исключение структурализм - заступничеством Пражской школы - делал для поэзии. Но что характерно - даже в этом случае особо подчеркивалось, что речь идет об особом, “сущностном”, состоянии языковой системы, а не о языке поэзии. Что в поэзии язык эксплицирует свою сущность - в этом вопросе солидарны Р. Якобсон и структуралистская поэтика, но еще и романтики, и Гумбольдт, потом Хайдеггер. А это, согласно их представлениям, возможно потому, что поэтический язык и есть

⁵ Безусловно, если уйти от понятий языковых норм и стандартов, которые есть результат не столько лингвистического развития, сколько лингвистического планирования.

сущность языка⁶. Поэзия это не столько сфера коммуникации, сколько та среда в которой язык не нуждается в коммуникации как предусловии для своей реализации, поэтому здесь выступает в своей сущностной, очищенной от преходящих и случайных, связанных со сферой коммуникации характеристик. Язык (или речь, обращенная на себя) предшествует не только речи, но и самому человеку⁷. Как видим, для поэзии делалось исключение только потому, что она рассматривалась как единственно возможная сфера автономного, свободного “от житейского волнения” существования языка. Как ни странно, но основная система коммуникации - язык - не только обособлялась от коммуникации, но - более того - коммуникация рассматривалась как нечто внешнее и чуть ли не искажающее языковую систему явление. Что касается не-поэтических сфер употребления языка, то за ними закреплялись некоторые лексические и стилистические особенности, не затрагивающие сущностных системных характеристик. Для изменения подобного отношения потребовалась лингвистика текста. В самом деле, вряд ли имеет

⁶ Ср.: «Установка на сообщение, как таковое, сосредоточение на сообщении ради него самого – это и есть поэтическая функция языка» (Якобсон 1961). “Поэзия, которая есть не что иное, как высказывание с установкой на выражение, управляется имманентными законами; функция коммуникативная, присущая как языку практическому, так и языку эмоциональному, здесь сводится к минимуму...Поэзия есть оформление самоценного, “самовитого”, как говорил Хлебников, слова. Поэзия есть язык в его эстетической функции” (Якобсон 1921). “Чистый говор есть нечто такое, в чем происходит завершение языка, который подобает разговору. Чистый говор - это поэзия. Это положение мы должны поставить как точное утверждение. Мы это сможем сделать, если удастся услышать чистый говор в поэзии. Но о какой поэзии мы говорим? Нам здесь предоставлен выбор, который все-таки защищен от чистого произвола. Почему? Благодаря тому, которое осмыслено нами как сущее языка в ходе раздумывания о говоре языка” – М.Хайдеггер.

⁷ По Хайдеггеру: “Утверждается, что только язык делает человека таким существом, как человек. Только как говорящий человек - это человек. Так считал Гумбольдт”.

смысл обсуждать различия в употреблении языка в различных сферах на уровне предложения, но при обращении к тексту эти различия становятся очевидными. Так что опыт лингвистической поэтики мог быть использован иным образом – поскольку в поэтике традиционно в качестве единицы рассматривался именно текст, то применительно к каждой коммуникативной сфере можно предусмотреть наличие особых, дополнительных по отношению к языковой системе (= расположенных над уровнем предложения), новых правил организации текста и семантизации лексических единиц. Если взять основополагающее для структурализма определение языка как грамматики и словаря, то в этом случае этот язык должен включать особые правила текстопостроения и основанные на употреблении лексических единиц правила семантики. Множество потенциальных текстов, соответствующих таким расширениям (специализациям) языка можно считать тем или иным типом дискурса, а язык предстает уже не как система систем, а множество дискурсивных практик.

6. Обобщая, вернемся к приведенному в начале тезису о том, что дискурс – это не новый лингвистический объект, а определенный ракурс описания языка. Это язык в его говорении, то есть язык рассматриваемый в соотнесенности с речью. Это не промежуточный член – медиатор между речью и языком, это скорее воспроизведение Соссюровской триады, включающей языковую деятельность. Но если у Соссюра акцент ставился на противопоставленности этих аспектов, то дискурс – это попытка их соотнесения. Это предполагает привлечение новых методов и подходов: рассмотрение текста как единицы анализа, учет правил организации текста, причем не только собственно языковых, но и жанровых, контекстуализацию описания, его ориентированность на не-облигаторные и коммуникативно-обусловленные модели языковой деятельности. Рассмотрение языка в таком конструируемом исследовательском контексте уместно считать дискурс-анализом, а объект подобного анализа претендует называться дискурсом. Это вполне допустимо, но, наделяя дискурс самостоятельным существованием, учтем, что границы этого существования ограничены именно дискурс-анализом.

Секция 1 – Прагматика, текст, дискурс и проблемы перевода

**Радько Г.А.
ПГЛУ**

Перевод как межъязыковая и межкультурная коммуникация

Английский язык давно приобрел статус языка международного общения, поэтому хорошее владение им необходимо в современном мире. Однако изъясняться – это ещё не умение говорить. Наличие скрытых трудностей речепроизводства и коммуникации ставит перед преподавателями иностранных языков актуальную задачу обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур, а это значит, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Язык формирует носителей языка, отражая их мир и культуру. Знание социокультурного, идеологического компонента чрезвычайно важно для переводчиков. Социокультурные ошибки в межкультурном общении воспринимаются гораздо более болезненно, чем языковые.

Слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. При переводе с иностранного языка мы часто сталкиваемся с трудностями в представлениях о тех или иных предметах и явлений. В любом языке каждое слово имеет свою валентность, она присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Очевидным это становится только при сопоставлении языков. Каждое конкретное слово в данном языке сочетается только с определенными словами. Например, *strong coffee* в русском языке не может быть «сильным кофе», а крепким. Выражение *take a shower* мы не можем перевести как «брать душ», в русском языке мы можем душ принимать.

Определенные трудности возникают при переводе словосочетаний. Иногда отдельное слово не совпадает с переводами этого слова в словосочетаниях. Например, русское выражение «больной вопрос» нельзя перевести на английский язык «*sick question*». Это переводится «*a vexed question*». «*a loaded question*» нельзя перевести «загруженный вопрос», это будет «провокационный вопрос».

Лексическая сочетаемость подрывает основы перевода. Двухязычные словари подтверждают это явление. Перевод слов с помощью словаря, который даёт «эквиваленты» их значений в другом языке, запутывает учащихся, провоцируя их на употребление иностранных слов в привычных контекстах родного [1, с.52].

Слово соотносится с каким-либо предметом или явлением реального мира. Но у разных народов, т.е. в разных культурах, могут быть совершенно разные представления о тех же самых предметах и явлениях. Таким образом, существует не только языковая эквивалентность, но и эквивалентность культурных понятий.

Определенные трудности возникают при переводе фразеологизмов в английском языке. Например, *keep one's pecker up* не переводится «держать клюв вверх», по-русски это будет «не вешать носа».

Следует четко осознавать, что при обучении иностранному языку необходимы фундаментальные знания культурно-речевых традиций данного языка.

Библиографический список

1. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО, 2000. – 262 с.
2. Митина, И.Е. Словарь английских идиом. [Текст] / И.Е. Митина. – Санкт-Петербург: КАРО, 2001. – 158 с.

Экспрессивная графика текста как компонент семантической структуры и способы ее передачи (на материале рассказов Э.А. По и их перевода на армянский и русский языки)

Неоспорим тот факт, что семантическая композиция текста является одним из наиболее изученных аспектов в рамках теории перевода. Но в то же время нельзя отрицать, что различные проблемы семантики текста, и особенно художественного, все еще открыты для изучения.

В представляемом докладе делается попытка изучения графических средств выражения как составляющих семантики английского текста и способов их адекватной передачи на армянский и русский языки.

Графическая форма литературного произведения, как известно, в обычных условиях есть абсолютно прозрачная субстанция, так как смысл текста воспринимается, в первую очередь, через его поверхностную структуру. Она не воспринимается как элемент формы, имеющий какую-либо смысловую или эстетическую нагрузку. Однако преднамеренное отклонение от нормативно графического оформления нарушает его прозрачность.

Текстовый фрагмент, графическое оформление которого отличается от основного текстового оформления, неизбежно выделяется, поскольку исчезает автоматизм его восприятия. Это обстоятельство и дает основание говорить об экспрессивности графики в литературных произведениях.

Как известно, направленность авторской оценки в пределах произведения зависит от его мировоззрения, от его словесной палитры. Есть писатели, проявляющие необычное, присущее только им словесное мастерство. К таким писателям, безусловно, можно отнести и Э.А.По. Материалом для нашего исследования послужили рассказы Э.А.По и их перевод, так как графическое оформление в произведениях Э.А.По почти всегда

играет важную роль в построении семантико-стилистической структуры его произведений.

Какова бы ни была специфика графического выделения того или иного отрезка текста, она несет экспрессивную нагрузку, свойственную только данному автору. Любое изменение, внесенное переводчиком в каждом конкретном случае, преследует свою конкретную цель, расшифровка которой весьма важна для адекватного восприятия данного текстового фрагмента.

В рамках же целого текста все графические средства, используемые автором, непременно образуют единую систему, которая, в свою очередь, является немаловажным компонентом языковой формы произведения.

Нинуа Э.

Тбилисский гос. университет им. И. Чавчавадзе

Коммуникативно-прагматический потенциал метаграфемы в полифоническом повествовательном контексте

1. Исследование полифонической функции метаграфемы предполагает выделение специфических форм эстетически мотивированного варьирования графических средств как одного из методов актуализации полифонического механизма порождения концептуально-эстетической информации в художественном тексте. При этом полифонический текст рассматривается как специфический жанр литературной коммуникации, в котором традиционная, *эго-центрическая* (моносубъектная) модель повествовательного контекста заменяется *полицентрической* (полисубъектной) моделью, что, в свою очередь, обуславливает возникновение особых, диалогизованных (в широком смысле) форм его актуализации.

2. Основным, типологически релевантным признаком полифонической текстовой модели является децентрализация повествовательной системы и синхронизм диалогического взаимодействия полисубъектных речевых планов, в результате чего единая ситуативная рамка художественного события приобретает амбивалентный характер, парадигматически вмещающая в себя множество спроецированных на один и тот же сегмент референтного пространства текста концептуально-оценочных (тезаурусных) систем.

3. В условиях так наз. «прагматического абсурда», когда повествовательная перспектива ориентирована не на один (повествовательный эгоцентризм) или несколько последовательно сменяющих друг друга (вариативный полицентризм) интенционально-организующих центров, вся композиционно-речевая структура полифонического текста функционально ориентирована на принцип *синхронной* конвергенции полисубъектных речевых актов. В процессе актуализации указанных функций участвуют как конструктивные (композиционно-структурные), так и собственно-речевые (стилистические) формы. Особую область исследования представляет собой метаграфемика с такими её подсистемами, как *синграфемика* (механизм пунктуационного варьирования), *супраграфемика* (механизм шрифтового варьирования) и *топографемика* (механизм варьирования средств плоскостной синтагматики).

4. В процесс актуализации полифонизма повествования могут быть вовлечены все типы пунктуационных знаков. При этом интерпретация форм их эстетически мотивированного варьирования, ориентированного на реализацию типологически релевантных текстовых функций (идентификация/дифференциация, индексация и синхронизация разносубъектных речевых планов), предполагает семантизацию не собственно самих знаков, а так наз. *пункто-грамм*, то есть их соответствующих лексико-грамматических контекстов, которые функционируют в качестве особых речевых актов – метаактов.

5. Значительным полифоническим потенциалом обладает супраграфемика. Эстетически мотивированное варьирование двух и более шрифтов способствует образованию специфических форм симультанного импликационала, визуализации полифонической альтернативности полисубъектных интерпретаций тематического ядра. Наслоение различных шрифтовых кодов на соответствующие текстовые сегменты становится эффективным средством маркирования завуалированного авторского концептуально-эстетического контекста.

6. Мотивированное топографематическое варьирование создаёт в полифоническом тексте особый вид плоскостной синтагматики, наилучшим образом реализующий парадигматический тип связи между полисубъектными повествовательными планами. Трансформация синтагматического цикла выражается здесь в экспликации «прерывности» повествовательного сегмента, в основном, за счёт его расслоения на минимализованные архитектуронические единицы, создания эффекта их «нагромождённости» на единицу текстового пространства с нарушением хронологической последовательности и делимитационной нормативности, элементами повторной рематизации тематического ядра и т.д. Т.о., в рамках единой композиционно-речевой структуры художественного текста все подсистемы метаграфемики выступают эффективным средством полифонизации его повествовательной системы.

**Минасян А.М.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

Прагматическая установка на активизацию структур знаний, релевантных для понимания концептуальной информации текста

Общеизвестно, что структуры знаний, именуемые фреймами, схемами, сценариями играют существенную роль в

функционировании языка. Эти структуры могут быть использованы в обеспечении связности текста на микро- и макроуровне, способствовать выводу необходимых умозаключений для процессов понимания и интерпретации текста, а также углублению наших представлений о скрытых механизмах языка. По определению М. Минского, “фрейм представляет структуру данных, предназначенных для представления стереотипной ситуации” (М. Минский, 1979, 250). Е. Кубрякова считает, что лексемы способны активизировать связанные с ними фреймы и что в основе понимания текста лежат сцены, фреймы слов.

Представляется необходимым отметить, что процессы понимания не могут быть ограничены поверхностными структурами и требуют привлечения когнитивных операций, активаций структур знаний, которые возникают в интеллекте партнера по коммуникации как результат понимания и как следствие воздействия на него совокупности языковых средств, составляющих данный текст. Рассматривая вопрос о роли когнитивных структур в передаче концептуальной информации, необходимо остановиться на особенностях структуры представления знаний в производной лексике в отличие от непроизводной. Следует отметить, что к специфическим особенностям производного слова (ПС) относятся свойство мотивированности, моделируемый характер ПС, общность словообразовательного значения в серии производных, следующих одной и той же словообразовательной модели. Благодаря всем этим свойствам ПС можно рассматривать как механизм, приводящий к формированию новых понятий на базе уже известных стереотипов, а процесс восприятия ПС – как познание нового через уже познанное, неизвестного через известное.

Рассматривая вопрос о прагматической установке на активизацию структур знаний, релевантных для понимания концептуальной информации, интерес представляет также выделение лексики, производной от имен собственных. В стилистике прием использования собственных имен в качестве нарицательных называется антономасией. В стилистическом аспекте эти единицы выступают в качестве образных средств

характеризации, нацеленных на выражение эмоционального, субъективно-оценочного отношения адресанта к описываемым фактам. С точки зрения когнитивных процессов образы поэтической ономастики, выраженной посредством производных слов, выступают в качестве сигналов, способствующих активизации определенных знаний, релевантных для целей коммуникации.

Таким образом, представляется необходимым отметить, что прагматическая установка на активизацию различных структур знаний (языковых, энциклопедических, литературных) оказывается весьма значимой в процессе передачи и восприятия концептуальной информации.

**Hambardzumyan D.
YSLU after V. Brusov**

The Implication of “A Portrait of the Artist as a Young Man” by J. Joyce Conceivable Through “Background Knowledge”

J. Joyce is known to have created “epiphanies” working out “implication”, which has become typical of the 20th century world prose writing. The “epiphanies” were later recreated in “A portrait” being turned into “aesthetic categories” – “claritas” (Joyce 1982:14-15).

Rich philosophical and psychological layers of the text make it sound too complicated, which in its turn makes a great impact on the stylistic-structural composition of the novel. On the one hand, the work is realistic, even somewhat naturalistic; on the other hand, it is a psychological analysis of everything: world, people, relationship, truth, religion, etc.. In order to conceive the very mixed, puzzling and mobile reality reflected in “A Portrait”, one should command a great deal of “background knowledge”. It is to vest the reader and the translator with the necessary information, which comes to their help when going deep into the implication of separate sentences and excerpts.

The goal of this investigation is to analyze the implicit information “hidden” in “A Portrait” linking it to the “background knowledge” necessary for solving the “puzzles”. For both the reader and translator the link of the implication of a literary work to that of their “background knowledge” is of utmost importance, otherwise no adequate transference of the utterance and its target motto into the reader’s and translator’s mind will occur. If so, the implication will not be conceived and adequately translated into another language.

In reference to “A portrait”, the “background knowledge” necessarily includes historical events and personalities, such as: Michael Davitt Parnell and Hamilton Rowan – the organizer of the Irish “Land League” (1879) and the hero of the Irish Rebellion (1798), historical and geographical areas, such as: “Blackrock” – a small town to the southeast of Dublin, “Munster” – the southern and the greatest of four provinces in Ireland, cultural-folkloric knowledge, such as: “’Tis youth and folly... mountain dew” – an English folk-song, “As I roved out... month of sweet July” – a little changed words of the Irish song “The Bonny Laboring boy”, religious knowledge, such as: “The Son of God cometh at an hour when you little expect Him” – (St. Matthew, 25, 13) and (St. Mark, 13, 35), “Gates of hell,, prevail” – (St. Matthew, 16, 18) and so on (See Joyce 1982:500-561). All the commentaries included into the book need to be analyzed in connection with the implicit idea of the work.

**Багдасарян С.А.
Гюрджаянц С.М.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

Языковые особенности спортивного комментария

1. Текстовые и дискурсивные характеристики различных жанров в последнее время являются объектом лингвистических исследований. Особое внимание уделяется спортивной коммуникации, так как она охватывает огромную сферу человеческой деятельности (социально-экономическую,

общественную, историческую и т.д.). Спортивная коммуникация имеет ряд разновидностей и жанров со своими особенностями, поэтому целостная картина спортивного дискурса требует определения его базовых понятий и категорий, аспектов, его вербальных и невербальных характеристик.

2. Спортивный комментарий (СК) является особой разновидностью спортивного дискурса, его особым жанром. В лингвистической литературе, исследующей институциональные дискурсы, не раз указывалось на интегративность тенденций его развития. В реальности институциональные дискурсы зачастую пересекаются и накладываются друг на друга /1/

3. В СК присутствуют такие институциональные характеристики как например, агональность (этика, состязательность, регламент, ритуал и т.д.), а также такие, которые пересекаются с научным, педагогическим, официально-деловым дискурсами в их спортивных проекциях. Еще одной сферой интертекстуальности является пересечение с театральным дискурсом, что в полной мере проявляется в спортивном репортаже, который представляет собой прямую трансляцию спортивного события.

4. Поскольку спортивная коммуникация включает целый спектр жанров, процесс освещения спортивных событий характеризуется различной степенью вербальности в зависимости от ряда экстралингвистических факторов: типа спортивного события (ср. комментарий футбольного/хоккейного матча и состязаний по гольфу/ бильярду), канала передачи (радио/телевидение) и т.д.

5. Исследователи спортивного дискурса неоднократно указывали на неоднородность информации спортивного репортажа – на его градуальность (Б.А.Зильберт), двоякость информации (Д.Кристал, Р. Лаппин). Анализируя модели речевого поведения спортивного комментатора, Д.Кристал и вслед за ним П.Лаппин выделяют три этапа оценочной информации (pre-event background, post-event evaluation и within-event interpretation). Подобное противопоставление структуры комментария и его содержательного плана оставляет за пределами анализа просодический фактор, присутствующий во всех компонентах структуры комментария и играющий

значительную роль в создании оценочного компонента комментария.

6. Речевая деятельность спортивного комментатора меняется в зависимости от ситуации в спортивном событии. Относительно статические моменты сопровождаются пространным, зачастую препарированным комментарием, описаниями погоды, участников, места события и т.д. Во время напряженных, кульминационных моментов состязания манера повествования меняется, становясь более динамической, вербальная информация становится более емкой, а дискурс приобретает более разговорные черты. Комментатор, выступая в роли рассказчика в реальном режиме спортивного события, драматизирует происходящее в силу фенестральности каналов, т.е. присутствия одновременно визуального и аудитивного каналов восприятия информации. Таким образом, зритель выступает не только адресатом, но и зрителем спортивного зрелища, своего рода драматического спектакля.

7. Общая стратегия находит свое выражение в семиотической неоднородности, в особенностях синтаксических структур, а также в не меньшей мере просодической организации комментария.

Среди лексических особенностей СК – терминология, вторичные номинаты, фразеология метафорического плана и т.д.. К грамматическим следует отнести – эллиптизированные и инвертированные предложения, риторические и антисипационные вопросы и т.д. Просодические характеристики отражают природу СК, проявляющуюся в интертекстуальности. Последние эксплицируются в зависимости от ряда факторов, в том числе а) характера игры, б) профессионализма комментатора, в) модели речевого поведения спортивного комментатора, и т.д. Среди наиболее дистинктивных характеристик - варьирование по параметрам: а) мелодики, б) ритма, в) темпа, и г) тембра.

8. Анализ спортивного дискурса предполагает его исследование во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов.

Литература

1. Зильберт А.Б., Зильберт Б.А. Спортивный дискурс. // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 17. М., 2001.

2. Lappin R. Investigating the lexical, syntactic and stylistic features of TV and radio football commentaries. AQA English language 4111, 2000

**Флджян Л.Г.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

Глобальная коммуникация как новая культура

С исследовательской точки зрения электронная сеть Интернет допускает огромное разнообразие подходов – как база данных, как лингвокультурное явление, как психосоциологический феномен, и т.д., и все эти подходы подразумевают исследование онлайн общения с различных лингвистических и экстралингвистических позиций.

Язык существует как оболочка того или иного исторического типа культуры, следовательно, в нем находят свое отражение существенные черты культуры того времени, в котором он функционирует.

Л.М. Тираспольский справедливо отмечает, что при наличии «работ, посвященных Сети, ее влиянию на психику человека и на общество в целом остается открытым вопрос о месте, которое может занять Интернет в культуре, и о сфере его использования» (Тираспольский, 1995). Такое понимание Интернета невозможно в рамках анализа лишь виртуальной реальности, необходимо включение его в общий контекст всей культуры». Иначе говоря, необходим лингвокультурологический подход к изучению гипертекста.

Гипертекст - новый культурологический феномен, который отражает все естественные культурные процессы того времени, в котором он действует.

Нелинейность, интерактивность, многоавторность – те дистинктивные признаки, которые присущи глобальному

обществу и отражают ее естественное стремление накопить информацию, которая существовала до него, и, в возможно доступной, организованной форме передать последующим обществам.

В обществе, где информационное, или даже семантическое производство играет ведущую роль, текст как исходный материал и продукт производства, приобретает особый статус универсального средства обмена.

В процессе многоуровневой коммуникации текст институциализируется и приобретает свои собственные черты и структуры.

Тексты, циркулирующие в различных сферах коммуникации, подчиняются центробежным тенденциям и стремятся к распаду. Распад осуществляется как на уровне текста, так и на уровне межтекстовых связей. Текст перестает быть автономным образованием, он строится из предыдущих текстов в процессе постоянной переработки и реинтерпретации. Подобно тому, как социум опирается на коммуникативную связь, текст строится как множество интертекстуальных связей. Он распадается на фрагменты, отдельные коммуникативные элементы, взаимосвязанные между собой. Смысловые составляющие текста относительно автономны, что позволяет осуществлять разнонаправленную коммуникацию.

Ввиду того, что сеть коммуникаций разрастается, количество связей также увеличивается. Тексты переплетаются между собой, и уже понимание единичного текста становится невозможным без привлечения других текстов. Современная культурная таблица, по Молю – это не иерархия, а мозаика, которая требует новых форм коммуникации и новых способов обращения с текстом. Текст, как бы должен выйти за собственные пределы, рассыпаться и снова собраться.

Новое звучание приобретает в эпоху гипертекстов разработанное М.М.Бахтиным представление о "чужом слове" в тексте (Бахтин, 1979). Открывается простор для самовыражения путем составления индивидуальных тематических коллекций из документов, размещенных в Интернете другими людьми и организациями. Такого рода гипертекстовые "путеводители по Интернету" могут считаться современным средством

самопрезентации, соответствующим духу постмодернизма (Войскунский, 2001).

Совокупность гипертекстов образует так называемое "киберпространство". Главной характеристикой гипертекста, а стало быть, и киберпространства является не протяженность, а связность, структурированность, насыщенность разнородными связями ("супермагистралями"), а кроме того, содержательная полнота, т.е. отражение всех мыслимых позиций и точек зрения. Более того, у каждого человека складывается собственная метафора киберпространства: гипертекст нелинеен, обладает множеством "точек входа", никому не суждено обойти его целиком, а индивидуальные кибер-маршруты неповторимы. На первый взгляд, предложенное представление расходится с впечатлением, согласно которому среди характеристик киберпространства - его протяженность и возможность подолгу странствовать в нем. Многие полагают, что притягательность киберпространства зависит от наличного опыта "погружения" в это пространство и от знания рекомендуемых (например, в разнообразных "путеводителях") способов передвижения в нем.

Единая информационная первооснова всякого явления в интернете может открыть новые возможности для описания и создания новых феноменов культуры в контексте глобальной межкультурной коммуникации.

Белоглазова Е.В.

Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов

Полидискурс как объект лингвистического анализа

В фокусе настоящего исследования находится новая для лингвистики категория – полидискурсность, понимаемая, в самом общем плане, как сопричастие, переплетение различных дискурсов в определенном корпусе текстов. Являя собой вид диалогичности, полидискурсность находится в

отношениях смежности с рядом других категорий, прежде всего, с интертекстуальностью и интердискурс(ив)ностью. Мы предпринем попытку разграничения этих категорий и уточнения значения, которое за ними стоит.

При разграничении понятий интертекстуальность и интердискурс(ив)ность следует принимать во внимание их эволюцию. Частичное отождествление этих категорий возможно при широком понимании интертекстуальности как диалогичности в целом, инкорпорирующей и интердискурсивности. В собственно интертекстуальности же интердискурсивности места нет – это разные виды диалогических отношений, в основе которых лежат различные механизмы.

Ситуация со второй парой смежных понятий – интердискурс(ив)ности и полидискурс(ив)ности – иная: в основе обоих названных явлений лежит диалог на уровне дискурса, т.е. переплетение, взаимосвязь разных специальных дискурсов, соотнесенных с соответствующими коммуникативными сферами, в одном тексте.

И все же мы настаиваем на разведении этих понятий, фокусирующих разные аспекты одного явления: интердискурс спонтанен, а полидискурс – устойчив; интердискурс индивидуален для каждого текста, а полидискурс характеризует открытое множество текстов; интердискурс обусловлен конкретной коммуникативной ситуацией, а полидискурс обусловлен идеологией, объединяющей соответствующее множество текстов. И только понятие полидискурс(ив)ности позволяет упорядочить открытое множество специальных дискурсов, входящих в дискурсную структуру объекта исследования большего, чем текст.

Психологическое воздействие дискурса на межличностное и межгрупповое восприятие при межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация как особая форма межличностного и межгруппового общения с психологической точки зрения отличается от внутрикультурной коммуникации целым рядом факторов. Одной из особенностей дискурса при внутрикультурной коммуникации заключается в том, что здесь кодирование и декодирование дискурса происходит с использованием единого культурного кода. Участники межкультурной коммуникации как правило используют язык, который не является родным по крайней мере для одного из них, а иногда и для обоих. Кроме того, имея в виду факт влияния культуры на все аспекты психической жизни человека и его социального поведения, в том числе и коммуникативного процесса, можем констатировать, что психологическая ситуация, где формируется и функционирует дискурс при межкультурной коммуникации зиждется на совершенно иные глубинные процессы, чем внутрикультурная коммуникация.

С этой точки зрения важное значение имеет экспериментально подтвержденный психологами (Такано, Нода и др.) т.н. *эффект иностранного языка*, проявляющийся во временном снижении мыслительных способностей участника межкультурной интеракции, говорящего на иностранном языке, которым не совсем хорошо владеет. Такое положение вещей создает специфическую психологическую ситуацию взаимного межличностного восприятия субъектов коммуникации. Человек, говорящий не на родном языке, чьи мыслительные способности тем самым, действительно, временно занижены, воспринимается собеседником как в интеллектуальном отношении ущербный. Таким образом, во время межкультурной коммуникации под влиянием эффекта иностранного языка происходит искажение интересубъективной психологической действительности:

искаженный дискурс провоцирует искаженное восприятие личности.

Здесь мы сталкиваемся с еще одним психологическим феноменом, характеризующим процесс взаимного восприятия сторон общения при межкультурной коммуникации. В ситуации межэтнического взаимодействия взаимное восприятие адресанта и адресата помимо индивидуального уровня предполагает также надындивидуальный уровень. Человек, представляющий другую этническую культуру воспринимается как «обобщенный другой», собирательный образ, олицетворяющий качества своей группы как психологического целого. Если во время внутрикультурной коммуникации фактор этнокультурной принадлежности адресанта и адресата лишь изредка становится операциональным, то во время межкультурного взаимодействия он становится доминирующим (особенно на первых этапах общения). Представитель этнической группы Э1 вследствие генерализованной атрибуции приписывает личностные качества представителя этнической группы Э2, обнаруженные им в процессе общения, всей группе своего партнера. Следовательно, если межкультурная коммуникация находится под воздействием эффекта иностранного языка, данный эффект приобретает генерализованный характер и переходя в надындивидуальный уровень становится психологической базой для формирования соответствующей гетероатрибуции: в восприятии представителя этнической культуры Э1 этническая группа Э2 вырисовывается как ущербная в интеллектуальном отношении.

Представленные выше психологические механизмы межэтнического восприятия приобретают несколько иной характер, когда адресант и адресат межкультурной коммуникации являются представители этнических групп, имеющих разные стратификационные статусы – один из них представляет высокостатусный этнос, а другой – низкостатусный. Гетероатрибуция «низкий интеллект» имеет минимальные значения, если представитель высокостатусного этноса говорит на языке низкостатусного этноса и наоборот, данная гетероатрибуция ярче выражена, когда представитель низкостатусного этноса говорит на языке высокостатусного этноса. Это значит, что в условиях равнозначного

функционирования эффекта иностранного языка гетероатрибуция «низкий интеллект» детерминирована социально-психологическим фактором этнокультурной стратификации.

Очевидно, что учет представленных психологических закономерностей может способствовать эффективной межкультурной коммуникации, минимизируя искажения взаимного восприятия во время межэтнических взаимодействий.

**Museyan R.
Yerevan Northern University**

Tattoos as Bearers of Cultural Information

This paper aims at revealing the cultural component in tattoos, which represent a very specific layer of language. The use of language in cultural accumulation and historical transmission is obvious and important. This applies not only to sophisticated levels but to primitive ones as well. A great deal of the cultural stock in trade of a primitive society is presented in a more or less well defined linguistic form. Folk tales, standardized prayers, standardized speeches, song texts and tattoos are some of the more overt forms which language takes as culture-preserving instruments.

Speaking of the culture of the people we can divide it into two groups: the civilized and the uncivilized. Uncivilized culture is the culture of the backward and primitive. In comparison with the civilized, this kind of culture is deferent in degree. Civilized culture is an expression of intellectual concepts relating to religion, philosophy, science and arts, to legal and moral development, economic, political, and educational method, procedure, institutions and improved language. This kind of civilization is divergently called American, European and Oriental civilization. Nowadays both these civilizations employ the so-called tattoos the linguistic expressions of which can differ from culture to culture. Some years ago tattoos were mainly associated with those belonging to a lower social class-criminals, sailors, whores, soldiers and the like, but now

it is the elite, film stars, the kings and queens of show business, that have tattoos. Tattoos are part and parcel of different languages and are one of the expressions of the cultural heritage of the society.

The word tattoo comes from the Tahitian "*tatu*" which means "to mark something." It is arguably claimed that tattooing has existed since 12,000 years BC. Tattoo art tells much about culture in general. It is one of the oldest art forms. Tattoos may be done either in the form of an image or in the form of letters and words. They are all pointers, of a more or less direct nature, to show others that one belongs to or wishes to belong to a certain group, world or life-style, e.g. American bikers usually have tattoos with brand names of motor bikes such as *Harley Davidson*, abbreviations and symbols such as "13" for "M", the thirteen letter of the English alphabet, referred to marihuana, or slogans such as "*Live to Ride, Ride to Live*".

Nowadays there are two popular tattoo design choices: Chinese and Celtic Tattoos. Celtic Tattoo, which is relevant in the modern world, comes from ancient art and manuscripts of Ireland, Scotland and England and it is generally done in Old English Font. In Chinese tattoo is called "Wen Shen" or "Ci Shen" that means literally "puncture the body". Tattoo has been known and practiced in China for many years. Today Chinese tattoos are widely favoured all over the world as it is very popular these days to get tattoos written in a language that is not your native tongue.

Lettering tattoos can contain from a single word to word-combinations, phrases, verses and sentences, e.g. "*It's a man's own mind, not his enemy or foe that lures him to evil ways*", or "*Life Won't Wait*", "*No Day But Today*"(a quote from the Broadway musical "Rent").

Tattoos can express joy or sorrow (e.g. "*I wish to weep but sorrow is stupid. I wish to believe but belief is a graveyard*".) or a desire to induce a state of fear and terror the enemy, for example, people who cannot even pull the skin off a custard pudding have tattoos like "*Death before Dishonour*", "*Born to Fight*". Other tattoos are personal statements concerning love and friendship (e.g. "*True Love*", "*The sweetest girl I ever kissed was another man's wife*".) or about patriotism (e.g. "*Made in England*"). Tattoos can also have a religious or a racial background, for example "*White Power*" or "*100% White*" are prison tattoos of white Americans,

white prisoners who have banded together against their black opponents.

Summing up, we would like to emphasize that tattooing has always played an important role in people's ritual and traditions and the cultural component is pretty vivid in their linguistic expression.

**Юдсон М.В.
МГЛУ**

Учёт прагматических факторов при переводе публицистики

Проблема прагматической адаптации публицистики весьма актуальна, поскольку публицистика - это стиль, ориентированный на воздействие, а прагматическая адаптация есть внесение в текст перевода изменений, необходимых для обеспечения адекватного воздействия на реципиента. Прагматические факторы, соответственно - это факторы, влияющие на восприятие текста реципиентом.

При осуществлении прагматической адаптации учитываются две группы факторов.

Во-первых, требуется учёт характеристик предполагаемого реципиента, так как от них напрямую зависит восприятие. К этим характеристикам относятся:

- этнокультурные характеристики (национально-культурная принадлежность, родной язык, культурно-образовательный уровень)
- в применении к конкретным СМИ возможен учёт половозрастных характеристик аудитории
- осведомлённость реципиента о круге проблем, освещаемом в данном издании (поиск оптимального соотношения узнаваемого и нового).

Во-вторых, следует учитывать культурно обусловленные жанрово-стилевые различия, чтобы при осуществлении

адаптации привести текст в соответствие с привычной для реципиента формой. К этим различиям относятся:

- композиция текста. Так, для немецкоязычной публицистики характерны более короткий, нежели в российской прессе, заголовок и первое предложение - лид, в котором приводится краткое резюме текста, а также разбивка текста с помощью подзаголовков.
- стиль: в немецкоязычной прессе - более разговорный, в некоторых случаях - менее избыточный.
- синтаксис: иногда для облегчения восприятия требуется объединение или разбивка предложений.
- использование образных средств: образные средства, типичные для культуры ИЯ, имеет смысл переводить в плоскость ПЯ или передавать нейтрально, поскольку разъяснение или примечание с наибольшей вероятностью не даст желаемого воздействия.
- разъяснение непонятных моментов (незнакомые реципиенту реалии переводятся описательно или с помощью генерализации).

Итак, для обеспечения адекватного воздействия требуется, во-первых, анализ предполагаемой аудитории, во-вторых, лингвокультурная адаптация в первую очередь в области лида и заголовка, а также в области образных средств.

Авакова М.Л.
ПГЛУ

Дискурсивные частицы и грамматикализация

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению лингвистических стратегий, используемых в процессе коммуникации. Дискурс, даже если иногда он кажется переполненным информацией, имеет в своей структуре различные языковые средства, вносящие свой вклад в его структуру. Эти средства вводят информацию наиболее эффективными способами, придают особое значение

определенной информации, помогают собеседникам достичь понимания всех звеньев информации. В этой связи рекуррентным объектом анализа становятся дискурсивные маркеры, фигурирующие также под такими названиями как дискурсивные частицы, прагматические маркеры, прагматические частицы и др.

Дискурсивные частицы привлекают к себе внимание и с точки зрения их диахронического развития, они играют решающую роль в теории грамматикализации. Грамматикализация может быть рассмотрена как подкласс процессов лингвистического развития, посредством которого лингвистические единицы комплектуются в грамматические [Andersen; 33].

Э. Трауготт определяет грамматикализацию как «процесс, посредством которого лексический материал в ограниченных прагматических и морфосинтаксических контекстах становится грамматическим» [Traugott; 1].

Морфо-синтаксические и прагматико-семантические гипотезы, касающиеся процесса грамматикализации, были выдвинуты Б. Хайне и М. Рэй, которые рассматривают данный процесс как эволюцию лингвистических единиц, посредством которой происходит потеря их семантической комплексности, прагматической значимости, синтаксической свободы и фонетического содержания [Heine B. and Reh M.,15]. Э. Трауготт, напротив, утверждает, что на ранних стадиях грамматикализации происходит прагматическое усиление, а не ослабление, отмечая, что в процессе грамматикализации значения склонны приобретать субъективность, ассоциироваться с отношением говорящего.

Исторически дискурсивные частицы являются проявлением лингвистических процессов, посредством которых меняется синтактико-семантический статус первоначального лексического материала. Дискурсивные частицы, по мнению К. Айджмер, функционируют как хранилище новых значений, которые развиваются в процессе грамматикализации. Так, например, грамматикализация объясняет, что дискурсивная частица **'just'** пересекает границу словарного класса и развивает прагматические и дискурсивные функции в добавление к

первоначальному значению. Диахронически дискурсивная частица **'just'** – 'exactly', образованная от прилагательного 'just' = 'fair', 'correct', 'precise', как рестриктивный сабъюнкт предшествует своему значению интерперсональности и не развивает текстовую или соединяющую функцию, выражая эмоциональное отношение к пропозиции высказывания [Aijmer, 160].

Библиографический список:

- 1) Andersen G. Pragmatic markers and sociolinguistic variation: a relevance-theoretic approach to the language of adolescents. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam / Philadelphia, 2001.
- 2) Aijmer K. English Discourse Particles. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam / Philadelphia, 2002.
- 3) Heine B. and Reh M. Grammaticalisation and Reanalyses an African Languages. Hamburg. Helmut Buske, 1984.
- 4) Traugott E. The role of the development of discourse markers in a theory of grammaticalization. Paper presented at ICHL, XII, Manchester. 1995.

**Galstyan E.
YSLU after V. Brusov**

The role of frames in political discourse

Political discourse is characterized by several features. One of them is uncertainty of meaning which depends on some semantical and pragmatical factors. Abstract meaning, polisemy, relativity of denotation is among the semantical ones. Influence on the addressee's feelings, views, will and behavior is the main pragmatical factor.

Semiotic method of influence, i.e. the language, prevails in political discourse. Here language is defined not as much as a descriptive means of communication but rather an interpretative one. In this case the interpretation must be convincing that's to say it must include social experience.

Here we can't but refer to the role of frames in political discourse since they are defined as the abstract models of social experience, within which any linguistic means gets its sense and value. For example, in one of his speeches defining America G. Bush uses such words and expressions as "our world **leadership**, we **lead** the world, America's **leadership**, America has always **led**, etc" thus correlating America's identification with the frame "leader". The slots of the frame form addressee's views concerning America.

The choice of frame with which the identification of this or that object is correlated depends on the addresser's political purpose, that's to say what kind of view he wants to form with the addressee around the given object. It comes to prove that only linguistic factors aren't sufficient for analyzing political discourse and frames, making the background of political discourse, must be taken into account by all means.

Секция 2 – Проблемы методики преподавания языков

**Ксоврели Э.,
Тбилисский гос. университет им. И. Чавчавадзе**

Многоязычие в киберпространстве как обязательный компонент подготовки многоязычных специалистов

1. Принцип многоязычия занимает все большее место в обучении иностранным языкам. Многоязычие и межкультурная коммуникация являются обязательным компонентом современного высшего образования, который существенно повышает шансы молодых специалистов в современном мире. Язык этноса, как известно, является уникальным хранилищем его культуры. Многоязычие предоставляет молодым специалистам возможность, через владение несколькими языками, соприкоснуться с множеством культур, т. е. расширить межкультурную компетенцию.
2. Многоязычие в киберпространстве является важной мерой по сохранению культурного и языкового разнообразия мира. Этой проблемой занимаются ЮНЕСКО и многие другие влиятельные международные организации. Этой проблеме уделяют пристальное внимание правительства многих стран. Многоязычие в киберпространстве открывает широкий доступ к всемирной информации многим этносам, но огромные пласты полезной информации все еще существуют только на доминирующих языках.
3. Интернет предоставляет молодым специалистам возможность получения информации, свободного выражения своего мнения, получения образования. Молодые специалисты, не владеющие доминирующими языками (в настоящее время в Интернете используются только около 400 языков из более 6700 существующих, а доминирующими можно назвать всего около 10 языков),

не могут адекватно участвовать в информационном обмене, и вынуждены довольствоваться ресурсами, доступными им на их языке.

4. Основные усилия страны, чей язык не является доминантным в Интернете, должны быть направлены на сохранение культурного наследия своего этноса. Необходимо разрабатывать сайты посвященные культуре и истории, открывать форумы для общения и, самое главное, создавать электронные библиотеки, электронные учебники и словари.

**Будняя О. Н.
ПГЛУ**

Основные тенденции обновления содержания обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке в вузе в условиях поликультурной среды

В начале XXI века под влиянием процессов глобализации усиливается культурное многообразие мира, он становится полиэтническим и многокультурным. Люди разных стран и национальностей, используя современные информационные технологии, получают возможность приобщаться к одним и тем же культурным ценностям. С одной стороны, это расширяет возможности международного сотрудничества, обмена научными и культурными достижениями между отдельными людьми и государствами. С другой стороны, взаимовлияние разных культур и их носителей приводит к утрате социокультурной идентичности человека, разрушению сложившихся в обществе норм и традиций. Учитывая общемировые тенденции, ЮНЕСКО в канун нового тысячелетия определил глобальную концепцию образования, назначение которой - обеспечить в будущем обществе превалирование ценностей и идеалов культуры мира, толерантности, активной межкультурной коммуникации [1. С.5].

Актуальной задачей высшей школы в сложившихся условиях является подготовка не только высокопрофессионального работника, но и нравственно-здоровой личности, способной интегрироваться в мировой культурный процесс, учитывать в процессе профессиональной деятельности национально-культурные особенности партнеров, при этом не теряя своей национальной индивидуальности и своеобразия. Современные российские ученые полагают, что эта задача может быть успешно решена, если профессиональное образование будет носить поликультурно – ориентированный характер [1. С.9]. Как указывает Л.М.Босова, вузовский курс иностранного языка носит профессионально ориентированный характер, поэтому его задачи определяются в первую очередь коммуникативными и познавательными потребностями специалистов соответствующего профиля. Он включает изучение закономерностей языка, мышления, социопсихологических особенностей речекommunikативной деятельности, а также моделирование и обучение ситуациям профессионального коммуникативного взаимодействия [2]. Реализация поликультурно – ориентированного характера образования предполагает решение следующих задач в рамках обучения иностранному языку: овладение студентами знаниями о культурном многообразии мира (cultural knowledge); учет своих и чужих интересов и потребностей (self and other awareness); готовность сотрудничать с представителями иной культуры (open attitude); развитие умений и навыков межкультурного взаимодействия (cross – cultural skills). Итак, современные социокультурные реалии требуют нового подхода к обучению профессиональной коммуникации на иностранном языке. С одной стороны, будущий специалист должен владеть лингвистическими и социокультурными компетенциями, релевантными будущей профессиональной деятельности. С другой стороны, в современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире необходимо обладать компетенциями для продуктивного взаимодействия с представителями разных социальных групп, вероисповеданий, национальностей. Полагаем, что задача эффективного подхода к обучению профессиональной коммуникации на иностранном языке может

быть успешно решена в рамках поликультурно – ориентированного характера высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Давыдов, Ю.С., Супрунова, Л.Л. Концепция поликультурного образования в высшей школе Российской Федерации [Текст] / Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – 42 с.

2. Босова, Л.М. Об интерактивной компетенции специалиста в ситуациях профессионального межкультурного общения / <http://aomai.secna.ru>

**Kharatyan M.
YSLU after V. Brusov
Minassyan N.
Vanadzor State Teachers' Training Institute**

The Role of Intercultural Competence in Foreign Language Teaching and Learning

The present paper aims to reveal the peculiarities and priorities of intercultural communication competence and its role in and impact on modern ELT.

The times we are living through now can truly be called “adjustment times.” Within the vast quantity of priorities in Armenia today, **education** is one of the essential ones. The environment – the political, economic and cultural – has altered greatly. Witnessing the transition period towards democracy, open markets, highly developed technologies, total computerization and new life-styles on the one hand and the reevaluation of moral and spiritual values on the other hand, we need to carry out educational reforms that would manifest the spirit, objectives and goals of the contemporary Armenia.

Armenian high schools and universities are slowly adapting their education models to reflect the convergence of latest advancements occurring in today’s world. English language and learning is

obviously undergoing great changes sharing the values and practices of today's society. What is the goal of ELT today? What is different of and peculiar to the modern ELT strategies and technologies? What is the role of intercultural competence in ELT?

The understanding of the concept of intercultural competence as an integral part of communicative language competence is essential to ELT. The overall goal of intercultural competence in ELT is to equip students with the tools, which will enable them to gain greater awareness of their own cultural values and of intercultural issues, to develop a "working knowledge" of the "target culture" and to develop an understanding of the process of communicating across cultural boundaries. Intercultural competence should be regarded as part of pragmatic competence which is usually described as the cultural, social and real life situations in which the language is used. The concept of intercultural competence should be studied in the *context of culture* and in the *context of specific situations*, both linguistic and extralinguistic.

People sometimes think that learning a language is a matter of learning vocabulary and grammar, but anyone who has visited a country where an unfamiliar language is spoken can tell you this is only part of the story. Referring to our mother tongue, we can obviously say that our everyday lives are conducted in situations that are part of our context of culture, and largely, these situations are familiar – which is partly how we recognize and understand other people's meanings – because we share the same cultural background and knowledge. Whenever we speak or write, we make selections from the entire lexical and grammatical system of English to produce appropriate meanings to what we are talking about, whom we are talking to and what kind of text we are exercising at the moment. When we first operate in a second language, we may know the words, but not the appropriate contexts; we really only understand other speakers when we share, not only words and grammar, but also which words and which grammatical, social and cultural choices are appropriate for a particular situation.

One of the major ways in which culture manifests itself is through language. Material culture is constantly mediated, interpreted and recorded — among other things — through language. It is because of that mediatory role of language that culture becomes

the concern of the language teacher. Culture in the final analysis is always linguistically mediated membership into a discourse community, which is both real and imagined. Language plays a crucial role not only in the construction of culture, but in the emergence of cultural change.

The need for intercultural learning and communication arises from the basic fact that cultures are different, and these different cultures come into contact and communicate with each other. A natural task for intercultural communication learning is to connect people from various cultural backgrounds and to increase tolerance for diversity and ambiguity.

In the present paper we will try to focus on some of the strategies and approaches that could promote the students' better understanding of intercultural issues and that would improve their overall language and communication skills. The first part of the presentation will deal with the concept of "intercultural competence" and it will be discussed within the framework of communicative language competence. The second part will be more practical and will introduce some data and personal experience concerning this vital issue – intercultural competence in ELT.

**Явурян Ш.А.
АрмГПУ**

Проблемы преподавания английской политической лексики в языковом вузе

Вузовский специалист — это широко образованный человек, имеющий фундаментальную подготовку. Соответственно, иностранный язык специалиста такого рода — и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования. Все это предполагает фундаментальную и разностороннюю подготовку по языку.

1. Преобразования в жизни общества имеют тенденцию к расширению межкультурного общения людей. В связи с важностью иноязычной культуры и монокультуры все большее

внимание в последнее время при овладении иностранным языком уделяется задачам гибкого и социально-приемлемого владения речевой профессионально-ориентированной коммуникацией, повышению уровня речевого взаимодействия субъектов обучения.

2. Теоретико-методологическое исследование, проведенное, позволило рассматривать под речевым взаимодействием субъектов обучения процесс установления и поддержания целенаправленного прямого или опосредованного контакта между субъектами общения посредством языка, создающий единство взаимозависимых и дополняющих друг друга субъектов.

3. Изучение сущностных характеристик речевого взаимодействия субъектов обучения позволило определить показатели, характеризующие различные уровни развития речевого взаимодействия: эффективность выражения своих мыслей, мнения, намерений, основанная на владении литературной и политической устной и письменной речью на родном и иностранном языках; характер техники речевого взаимодействия, выражающийся в умениях привлекать и удерживать внимание, вступать в речевое взаимодействие, передавать инициативу собеседнику, стимулировать его речевую активность и т.д.; характер стратегий социально-ориентированного взаимодействия, выражающийся в способах разрешения проблемных ситуаций и решения задач, идентификации и оценки трудностей, проблемных точек соприкосновения, принятии согласованных решений и т.д.; характер реализации речевого взаимодействия в межкультурной коммуникации, выражающийся в пользовании этикетом и другими аутентичными формами иноязычного общения, в том числе невербальными, а также интерактивными речевыми клише и т.д.

4. В условиях современного образовательного процесса в высшей школе реализация задачи повышения уровня речевого взаимодействия субъектов обучения может осуществляться при соблюдении двух групп условий: 1) условий эффективности речевого взаимодействия; 2) условий обучения речевому взаимодействию при изучении иностранного языка.

Таким образом общественно-политическая сфера общения является специфической, эффективность подготовки к коммуникации в этой сфере обусловлена взаимностью трех факторов: созданием условий для общения в различных ситуациях, владением политическим вокабуляром, системой упражнений, основанной на строгом отборе лингвистического и экстралингвистического материала для активного усвоения и проблемных заданиях.

Секция 3 - Вопросы лингвокультурологии и теории коммуникации

**Шлыкова Е.И.
ПГЛУ**

Формирование межкультурной компетенции в рамках поликультурного пространства

Современный мир предъявляет новые требования к обучению иностранным языкам. Это проявляется в выдвигании на первый план необходимости формирования у обучающихся межкультурной компетенции. Сегодня человек живет в поликультурном пространстве, в котором возрастает роль иностранных языков. Неотъемлемым компонентом культуры становится знание двух и более иностранных языков. В связи с этим появляется такое понятие, как мультикультура и формируется новое понимание культуры, которая описывается как «обобщённое цивилизационное пространство, т.е. продукты человеческой мысли и деятельности: опыт и нормы, определяющие и регламентирующие человеческую жизнь, отношения людей к новому и иному, к идеям, мировым системам и социальным формам» [2, 76-77].

Знание и владение иностранными языками в данном контексте не сводится к простой сумме лексических, грамматических навыков и умений общения на языке, а представляет собой комплекс коммуникативных компетенций, подразумевающих адекватное вербальное и невербальное поведение, как в бытовых ситуациях, так и в условиях профессиональных языковых контактов. Другими словами, социальный заказ общества на сегодняшний день – это подготовка «полилингвальных» специалистов, способных осуществлять коммуникацию на иностранном языке с представителями той или иной лингвокультурной общности с учётом норм поведения и традиций народа данной общности.

В свете многоязычия и поликультуры представляется актуальным вопрос сравнительно-сопоставительного изучения

языков. Как правило, такие исследования проводятся специалистами-филологами с целью выявления общих или отличительных характеристик сравниваемых языков. Анализ данных характеристик позволяет классифицировать языки по различным критериям и тем самым определить языковой тип. Так, сравнению поддаются все родственные языки; возможно также сопоставление языков, далеко отстоящих друг от друга в плане родства и культур народов, говорящих на этих языках; сопоставлению можно подвергнуть диалекты, языковые системы (например, литературный язык и диалект) и т.д.

Отметим, что сравнение языков зачастую сопровождается сравнением культур народов-носителей этих языков, так как в лингвистике признается неразрывная связь языка и культуры. По мнению Е.В.Милосердовой, для лингвиста важны «те точки, где культурная компетенция пересекается с языковой» [1,81]. Сегодня в мире всё отчетливее осознаётся неизбежность сосуществования разных культур, обществ с различными тенденциями и национальными традициями в сфере коммуникации. Поэтому изучение и учёт этих особенностей должны стать приоритетным направлением [1].

В заключение подчеркнём мысль о важности формирования межкультурной компетенции средствами иностранного языка в условиях «пересечения» культур при постоянном сравнении и сопоставлении языковых форм и средств их реализации в разных языках.

Библиографический список

1. Милосердова, Е.В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Е.В. Милосердова // ИЯШ. – 2004. – № 3. – С. 80-84.
2. Хохлова, В.В. Особенности восприятия культуры страны изучаемого языка [Текст] / В.В. Хохлова, Ю.В. Хохлова // ИЯШ. – 2004. – № 3. – С. 76-80.

Proverbs as a means of understanding different cultures through language learning

Educational institutions in most countries, have tried to guide their learners to understand ‘foreignness’ and dissimilarity in societies. People long ago realised the importance of education to peace and international understanding in all levels of education and in all school subjects. It is in this context that new concepts like ‘intercultural learning’, ‘intercultural understanding’ and ‘interculturalism’ were adopted. The reason was that more and more frequently people meet representatives of other cultures and they stay in a culturally different environment for longer periods of time or even permanently. In many countries intercultural learning is related to situations where people speaking different languages, with different looks, customs and values, live side by side. This is true especially in countries which have problems with immigrants and refugees. In those societies interculturalism is commonplace and concrete in one’s own life.

Languages differ by their nature in many respects. However, paying attention solely to the differences between languages has been approached as a system; vocabulary has been studied by labelling the words of the foreign language with the meanings of the mother tongue; pupils have listened to the foreign language in order to pick up information and so on. In this situation learning has not gone beyond formal learning. Intercultural learning means, however, that the individual should learn to understand the intentions and expectations of the representative of a foreign culture. The learner should realise that linguistic communication is only part of global communication and that in every language there are elements which belong to the automatic, ritual and routine component of a native speaker's behaviour. It is these elements the learner should learn and know how to analyse.

The foregoing discussion has been concerned with proverbs which very often help language learners to understand various

peculiarities of this or that culture. Our research reflects special cut towards proverbs which are considered a universal property of language and culture. Despite their universal - shared features, they appear to challenge language-users, and very often some cultural factors prevent them from being understood. For example:

<p>English: To be born with a silver spoon in one's mouth. One swallow doesn't make summer. To touch the wood.</p>	<p>Italian: Essere nato con la camicia. Un fiore non fa primavera. Toccare il ferro.</p>
--	--

The level of understanding different proverbs shows the sensitivity of the language – user to this or that culture.

Culture is learned in and through communication, in interaction with other people. Similarly, the individual also learns the fundamentals of culture such as language, cultural standards, behaviour routines and communication rituals in interaction with others within a community. It is the question of communication strategies and behaviour norms the members of a community have agreed upon, and which become automatic in their use. Because people act as members of society, culture too has its manifestations in action and language in accordance with the agreement of society. It is obvious that the relationship between individual, society, interaction, language and culture is so complex that it is difficult to divide it in small parts.

The individual is always a member of a community, society and its subcommunity. In this community he has a need to interact and communicate with other members. All this goes to make up the kind of activity that we are here calling 'culture'. It is defined by the two factors: community and the need for interaction. The situation gives birth to the use of language (everyday communication, literature, arts as a form of visual communication) as well as to cultural institutions, such as home, family, school, church etc. There would be no culture without the individual, his communication and community.

Culture shock

“Cultures are adaptations of a people to the conditions of life when these conditions change cultures are put under pressure”. (Hoshede, 2002)

Studying a foreign language neglecting its culture is impossible. The fact that culture and language are inseparable and interdependent is indisputable. This article deals with the impact of moving from a familiar culture to one which is unfamiliar.

During the last 15 years a lot of Armenian students have gone abroad to study and it is worth mentioning that many of them have had culture shock, in the result of which they returned to Armenia without finishing their courses. This has happened because they were uninformed and unprepared. Thus, it is of great importance for teachers to be widely aware of the notion “culture shock”, its effects on people and the ways of preventing or at least minimizing it.

Culture shock is when people encounter a different behaviour and new totality of values they may have a shock, in the result of which they begin to consider the bearers of the language eccentric, ill-bred, etc. The shock arising from the convergence of cultures is usually called culture shock. Culture shock almost always leads to a psychological discomfort, a state of frustration. An unprepared student undergoes a period of acculturation, i.e a period of assimilating new standards of behaviour, the process of adaptation to unusual conditions. This may last sometimes two or three months and sometimes to the end of staying.

Culture shock includes the shock of a new environment, meeting lots of new people and learning the ways of a different country, It also includes the shock of being separated from important people in one’s life, maybe family, friends, colleagues, teachers.

There are different causes of culture shock:

- climate
- food
- language

- dress
- rules of behaviour

Many Armenian students find that the British climate may affect them a lot. Constantly listening and speaking in a foreign language can also be tiring. Besides it is possible that the regional accents may make the language harder to understand or the speed of their speaking may cause embarrassment. As to the rules of behaviour, every culture has unspoken rules of behaviour which affect the way people treat each other.

The teachers, tutors should help their students minimize the effect of culture shock. The teachers should give their students as much information as possible about the culture of the language they are studying as well introduce them to the differences and similarities of the target language.

In the conclusion the following activities can be suggested:

- Discuss different topics and intercultural incidents drawing parallels between Armenian culture and other cultures.
- Discuss examples of culture shock.
- Discuss the differences between gestures in different cultures.
- Hold a discussion about how others see the students' culture (customs, values, life-style).
- Observe greetings and introductions in films, soap-operas, etc, make notes on any interesting comments that people make.
- Encourage e-mail partnership with students from other countries.
- Invite "experienced" travelers (learners from the same school or other people) to give talks about their experience of the country he/she has visited.

References:

Hoshede G. J.(2002). Exploring Culture. Exercises, Stories and Synthetic Cultures. Intercultural Press. Yarmouth, ME, Boston, London.

Верещагин. Е. М. (1973). Язык и культура. Moscow.

Roberts R. (2004). IELTS Foundation. Macmillan. Oxford.

Культура речи – условие эффективной коммуникации

Связь языка и культуры - это внутренняя связь всех свойств Слова, которые столь точно определил Гете: как мысль, силу и дело. Слово действительно есть то, и другое, и третье, слово включает в себе потенциал всего дела культуры.

Культура речи – это «владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умения использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 247].

Культура речевого общения - это многоплановое явление, неотъемлемой частью которого является соблюдение речевого этикета, то есть культуры поведения в речевом проявлении. В Энциклопедическом словаре-справочнике дается следующее определение речевой этики: «Речевая этика - совокупность этических норм и правил речевого поведения в различных ситуациях общения. Речевая этика базируется на общечеловеческих этических ценностях, на национальных этических посылках, а также на индивидуальных этических ценностях» [ЭСС, 2003: 591]. Под культурой речевого общения понимается высоко развитое умение осуществлять коммуникацию соответственно нормам, исторически сложившимся в обществе; при этом используются лингвистические средства и способы реализации такого общения, целью которого является достижение максимального перлокутивного эффекта.

Речевой этикет предписывает говорящим в зависимости от ситуации общения использование определенных речевых формул, при этом необходимо принимать во внимание наличие у многих из них дополнительных коннотаций. Важно также учитывать не только функционально-стилистическую, но и

эмоциональную окраску формул речевого этикете [Давыденко, 2004: 204].

В качестве одного из условий эффективной коммуникации выступает максимальный учет особенностей партнеров общения. Именно понятие культуры речевого/вербального общения позволяет более широко взглянуть на способы оптимизации, поскольку включает в себя также знание собеседниками «речевых стратегий», или «стратегий общения» («discourse strategies») [Gumperz, 1982]. Лингвистами выявлены такие «стратегии общения», как, например, «правила употребления языка, или правила говорения» у D. Hymes; «максимы» у H. Grice [Grice, 1975]; «правила следования интерпретации и порождения» у W. Labov [Labov, 1973]; свод «правила конверсации, вежливости и прагматической компетенции» у R. Lakoff [Lakoff, 1973].

Носители языка, овладевшие правилами речевого узуса в процессе социализации, интуитивно осуществляют выбор требуемых единиц, ориентируясь на экстралингвистические условия, среди которых особое значение имеет степень официальности обстановки и отношений между коммуникантами.

Вежливость по своей сути есть проявление уважения к другому человеку. Определение вежливости как хороших манер акцентирует процессуальную сторону (поведенческий, внешний план) этого явления. Вежливость как предмет лингвистического изучения неоднократно привлекала к себе внимание языковедов [Lakoff, 1973; Fraser, Nalen, 1981; Brown, Levinson, 1987; Давыденко, 2002]. В лингвистической литературе вежливость анализируется либо в плане исследования общих стратегий поведения, либо в плане выявления специфики выражения положительного отношения к человеку на материале частных речевых актов в конкретном языке (извинение, благодарность, комплимент, выражение сочувствия и так далее).

Иноязычная лексика в контексте межкультурной коммуникации

Апелляция к взаимообусловленности и тесной взаимосвязи заимствований и межкультурной коммуникации – это одновременно и общее место всех описаний так называемой заимствованной лексики в словарном составе практически любого языка, с одной стороны, и с другой – это проблема, которая пока не нашла своего нового обоснования в современной когнитивной парадигме лингвокультурологических исследований.

Пробелы в подходах к заимствованиям предопределила, на наш взгляд, очевидным образом идущая вразрез с дву-, а иногда и полисубъектностью данного явления (как минимум «донор-реципиент») погруженность его исследования в материю каждый раз одного отдельно взятого языка. Данное утверждение вовсе не опровергает широкого распространения исследования, к примеру, заимствований В-языка в А-языке или дифференциация источников заимствований А-языка: все то, что вне А-языка или не А-язык, интересует лингвистов не более и не менее, чем как поставщик. Социокультурное партнерство, предшествующее, согласно принятым точкам зрения, языковому заимствованию, в лингвистических описаниях преимущественно представляется как удовлетворяющее спрос на обновление когнитивно-вербальное потребительство, в несколько упрощенной форме следующее логике «взял новые реалии или понятия, комфортнее взять их вместе с готовым словом», «чужое слово точнее, полнее, благозвучнее, короче или, наконец, «имиджнее» – забираем: в хозяйстве все пригодится». Такой же односторонней сосредоточенностью отличаются и наблюдения за дальнейшей судьбой слов-эмигрантов, и если это в общем и целом объяснимо в случае интралингвистических описаний, то интерлингвистике, частным проявлением которой является, скажем, теория языковых

контактов (ТЯК), следовало бы их преодолеть по определению, между тем и здесь речь идет о последствиях двуязычия, представленных «в **любом языке** (речь идет опять явно о реципиенте – Г.М.) в виде заимствованных слов и сдвигов» (Э.Хауген).

Не вдаваясь в перипетии терминологических дискуссий, происходящих особенно на первом этапе становления этой концепции, отметим

- Неслучайно в этом соревновании терминов наименее конкурентоспособным оказался термин «взаимовлияние языков»: это обусловлено более устойчивым совокупным интересом ТЯК не столько к процессу смешения языков, сколько его результатам (Б.Гавранек)
- Закономерно, что именно этой концепции мы обязаны появлением термина «интерференция», но здесь это даже не столько наложение (а тем более взаимовлияние), сколько «случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей» (Э.Хауген), не имеющие никаких автономных последствий ни в одном другом языке, кроме объекта интерференции.
- Не важно, что ни дифференциальное (У.Вайнрайх), ни двуязычное (bilingual) или даже межъязыковое (dialingustic – оба термина принадлежат Эйнару Хаугену) не вывели этих исследователей на описание своего предмета в контексте межкультурной коммуникации (этому, видимо, помешало их стремление отграничить двуязычие от двойной культуры, а еще более научная парадигма того времени).

Однако

- Очень важно, что обнаруживаемые вследствие реальной временной протяженности языковых контактов процессы и явление вывели заимствования из безраздельного ведения диахронии и сделали предметом синхронического описания, которое, с учетом расширения форматов языковых контактов до размеров

всего земного шара, может быть применено к иноязычным номинациям в целом.

Отстаивая реальную связь стоящих в заглавии понятий мы имеем в виду синхронизацию когнитивно-деятельностных характеристик, присущих и процедуре использования иноязычного слова как средства номинации, и процессу межкультурной коммуникации, можно утверждать, что коммуникация на уровне культур и обеспечивающего её языка на макроуровне воспроизводит модель межличностной коммуникации также и за счет виртуальных двуязычных носителей, когда в схематической форме всегда можно обозначить такого гипотетического носителя двух языков, двуязычие которого обеспечивается реально существующими носителями двух языков, один из которых у них общий, а два других различны, но, соответственно совмещены в виртуальном билингве, т.е. если существует двуязычие АВ и АС, то виртуально существует и двуязычие ВС. Тезисно отметим несколько межкультурных последствий лексических заимствований.

1. В русском языке может и не быть ни одного прямого заимствования из словацкого языка,⁸ между тем между ними есть когнитивно-коммуникативный link, представленный парой заимствованных слов – словацкого *preferovat*' и русского преференция. Того же нельзя сказать о паре *термин* (в русском) и *термін* 'срок' (в украинском) языках;
2. Для носителя английского языка, знающего, что слово *intelligence* при перенесении на русскую почву получило значение 'работники умственного труда...', произойдет когнитивно-коммуникативный сдвиг в его значении;
3. в аналогичной же ситуации окажется носитель русского языка, которому станет известно, что у этого слова есть и значение 'разведка'.

⁸ Выбор примеров целевой: он иллюстрирует предложенные рассуждения, но несколько не отрицает существование других связей.

4. Неармянина, распознавшего в *հալաիւրաւորութիւն* и *իւրաւորութիւն* «боевую» составляющую она заставит деликатнее выбирать из незаимствованных слов и наверное остановить свой выбор на иноязычной номинации, а в случае отсутствия таковой прибегнуть к иноязычной новации, как это сделали мы с link и т.д. и т.п.

В заключение о термине иноязычная новация: не *неологизм* (не более, чем готовый новый ярлык) и не *заимствование* (привлечение еще одной номинативной лексической единицы), а **иноязычная новация** - процесс со своими причинами, течением и последствиями, требующими своего адекватного описания как частное проявление ономаσιологического механизма в языке.

Витман Т. Б.
Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов

Диалог культур (на примере Франции и России)

Глубокие изменения, происходящие сегодня в России, ее развивающиеся контакты с европейскими странами, современная экономическая ситуация пробуждает к ней особый интерес. Растущее внимание к международным контактам выдвигает вопросы межкультурного общения на первый план. Эффективность межкультурного взаимодействия определяется умением понять, принять и учитывать разницу между культурами партнеров по общению.

На примере взаимодействия между французами и русскими можно проследить основные различия русской и западной культур, с одной стороны, и проанализировать особенности одной из западных культур, в частности, французской, с другой стороны. Подобное сопоставление, взятое в качестве модели, дает возможность, опираясь на

определенные принципы и критерии, сравнивать любые культуры.

На западном фронте перемены.

Современная Россия притягивает и настораживает потенциальных партнеров. Привлекательными являются богатства природных и человеческих ресурсов и способность к быстрым и радикальным переменам, а опасения вызывает непонятность «тайн славянской души».

Мы постараемся немного приоткрыть завесу этой «тайны» и предложим пути преодоления препятствий при межкультурном общении.

Сопоставление «горизонтов» двух культур, то есть того, что является присущим только данной культуре, того, что находится вне рамок их обеих и того, что их объединяет, дает возможность понять способ их функционирования и позволяет выявить барьеры, затрудняющие общение.

Барьеры, препятствующие коммуникации:

- Стереотипы и предрассудки, несовпадение способов «прочтения» поведения представителя другой культуры
- Разный тип исторического человека («прометеевский» и «мессианский»)
- Разница менталитетов, возникающая вследствие разницы культур и языка (аналитический и синтетический строй языка).
- Различия языка вербальной и невербальной коммуникации (разные способы «смотреть» и «видеть», «слушать» и «слышать», «воспринимать» и «понимать»)
- Сопоставление по основным критериям межкультурных различий: видение мира (точечное и целостное), восприятие времени (монокронное, полихронное и цикличное), восприятие другого (индивидуализм или коллективизм); отношение к правилу (партикуляризм и универсализм) и т.д.

Анализ сложностей и преград, возникающих при общении французов и русских (зоны риска и пути преодоления барьеров общения) может служить моделью подхода к решению подобных проблем межкультурного общения.

Понимание и осознание важности учета межкультурных различий является залогом подлинного общения и источником взаимного обогащения и появления синергии. Кроме того, становятся очевидными пределы применения собственных моделей поведения в рамках другой культуры. Осознание своего типа функционирования, благодаря сравнению с другим менталитетом, обогащение личного и профессионального опыта иными, отличными от своего собственного подходами, знакомство и открытие иной культуры, также как и открытость иной культурной реальности позволяет расширить межкультурную компетенцию и приобрести новый взгляд на мир, чтобы учиться и научиться по-новому вести себя и взаимодействовать.

В завершении хочется привести слова Рабиндраната Тагора: «Запад и Восток постоянно находятся в поисках друг друга и они должны встретиться». Хочется надеяться, что данная работа будет способствовать этой встрече.

**Гоголашвили К.
Тбилисский гос. университет им. И. Чавчавадзе**

Роль языковых элементов в воссоздании картины контактов древних культур

1. Потребность в расширении знаний о распространении и взаимовлиянии древних культур столь велика, что помимо уже традиционных направлений интереса и исследования вопроса, где фигурируют ставшие уже «классическими» исторические культуры, на передний план выходит вопрос исследования и сравнительно малознакомых фактов и свидетельств подобных контактов в области культурологических исследований. В этом смысле, роль американского континента исключительно интересна, так как предоставляет обширный материал для изучения вопроса возможных древних, т.е. «доколумбовских» связей между странами и культурами Старого и Нового Света, хотя

главным образом это касается культур и цивилизаций, которые оставили в буквальном смысле «весомое и объёмное» материальное наследие – подразумевая города и архитектурные памятники древних культур и цивилизаций Майя и Перу, и знания эти дополняются и относительно меньшим количеством письменной и фольклорной информации.

2. Наш интерес в этой области направлен к тому факту культуры индейских племён Северной Америки, который даёт основание рассмотреть вопрос возможных контактов между этими этническими группами и Азией, подразумевая в частности культуры Древнего Китая и Индии; причём возможность подобного контакта интересна ещё и своим своеобразием, ибо он выразился в области сугубо духовной культуры, мифологии и восприятия мира, и не повлёл за собой ни один из элементов материальной цивилизации, что прежде всего выражается в градостроении и архитектуре. Материал нашего исследования основывается на письменном памятнике, который мы можем считать компилятивным: оставлен он индейцем Дэвидом Кьюстиком и называется «*Сотворение мира*» - и хотя она предлагается в ирокезской интерпретации. туда вошли легенды и гуронов, и мохауков, и сенеков и тускарор, собранные ещё французом Габриэлем Сагалем у гуронов в Канаде, в 1623г. Помимо параллелей с китайскими мифами (деталь громадной черепахи, спасительницей мира от *потопа*, что сам по себе особенно значителен – не из-за своей очевидной универсальности, а из-за отсутствия каких-либо фактов связи этих культур Северной Америки с другими культурами), очень интересна деталь, на основании которой допустимо говорить о важности вербальной и идейной близости и параллелей между основополагающими понятиями в религии и мифологии индейцев – с одной стороны, и с другой стороны – близким по духу термином в санскрите, на котором зиждется понятие позитивного развития мира.

Секция 4 – Проблемы современной лексикологии и дериватологии

**Балясникова О.В.
Институт языкознания РАН**

Антонимические пары в ассоциативно-вербальной сети

Антонимы в ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) – частный случай парадигматической ассоциативной структуры; однако чаще всего мы имеем дело не столько с антонимами в их традиционном понимании, сколько с квазиантонимами, или контекстуальными антонимами, причем контекст, в котором противопоставляются объекты, может быть неоднозначен.

Парадигматическая и – конкретнее – антонимическая связь кажется универсальной в следующих аспектах: 1) она является результатом упорядочения знаний об объектах, признаках, процессах и т.п., сопоставляемых по логическому основанию; 2) соответственно, в реальной речевой деятельности один ее компонент «предвосхищает» появление другого, что подтверждается, в частности, многочисленными случаями оговорок в спонтанной речи; такие слова могут храниться вместе в семантической памяти; 3) она отражается в построении текста, развертываемого на основе антонимической пары (в эксперименте) или извлекаемой из текста (при концептуальном анализе) и выражается в явном или имплицитном присутствии оппозитивных компонентов в виде конкретных лексем (противопоставленных, хотя и не обязательно языковых антонимов). Специфика лексем - представителей оппозиции в таких текстах определяется рядом факторов, одним из которых является фактор «субъекта восприятия».

Однозначно интерпретировать такие ассоциации не всегда возможно, поскольку семантика и учет источника ассоциации могут являться основаниями для разных классификаций.

Коннотативные значения глаголов, выражающих неопределенность знания.

Проблема неопределенности естественного языка и человеческого знания оставалась до сих пор в большинстве случаев без внимания. Мы говорим о неопределенности значения слова, если определенные потенциально релевантные аспекты высказывания, которые формулируются словом, остаются открытыми. Глаголы, выражающие наличие недостатка информации (*scheinen, denken, meinen, glauben, vermuten, annehmen, vorkommen* и др.), могут вызвать эмоциональное состояние субъекта, что, по нашему мнению, выражается в возникновении эмотивного компонента у данных лексических единиц. Когда человек употребляет, например, глагол *scheinen*, в его сознании возникает мелькание неясных образов, между которыми он пока не в состоянии создать логическую связь и четко их выразить. Недостаток информации вызывает, согласно информационной теории эмоций П.В. Симонова, эмоциональное состояние у адресанта, что ведет к возникновению эмотивности у глаголов данного типа, активации остальных компонентов коннотации, прежде всего образного, и, как следствие, к возникновению коннотативного значения. Приведем в качестве примера контекст из рассказа М.Штефана «Поздний гость старой вдовы»:

(1) Indes gewann die erstarrte Szene einige Dauer, sie *schien* wie eines jener gestellten lebenden Bilder aus alter Zeit, tituliert: Später Gast bei armer Witwe.

Emma Schneider war zeit ihres Lebens dafür bekannt gewesen (als sie noch Bekannte hatte), in ungewöhnlichen Situationen trocken zu reagieren; sie selbst wußte: weniger aus Überlegenheit, eher aus momentaner Ratlosigkeit. So sagte sie jetzt: Es zieht! Und mit dem Wort fiel das Bild zusammen wie eine Figur vom Sand. (M.Stefhan)

Неожиданность появления незнакомого человека поздно вечером в доме одинокой старушки вызывает у нее множество

догадок (*Ratlosigkeit*), и когда автор пишет “*fiel das Bild zusammen wie eine Figur vom Sand*”, он имеет в виду не только упомянутую живую картину, но и образы, которые старушка пытается выстроить в логическую цепь. Выше в рассказе автор упомянул их:

(2) Ein Einbrecher, ein Dieb also?... Erfolglos manövrierte sie mit Erinnerungen, Personen, Gerüchten, alten Verdächtigungen auf Unredlichkeit, bis sie – fast zu spät – Gefahr lief, sich selbst der Dieberei fähig zu halten. So ging es nicht. Natürlich war der Dieb eine ihr unbekannte Person, sie versuchte ihn sich vorzustellen (unrasiert, schwarze Augenbinde, ein Schlüsselbund am Gürtel?)...(M.Stephan)

Сейчас, учитывая неожиданность появления незнакомца и шок, который спутал все мысли старушки, не эти мысли появились у старушки, а образы (unrasiert, schwarze Augenbinde, ein Schlüsselbund am Gürtel), сопровождающие их, поэтому можно утверждать, что глагол *scheinen* употреблен в тексте с коннотативным значением, основой которого является образный компонент коннотации.

Глаголы *scheinen*, *vorkommen* и др. могут иметь такие коннотации как, например, «удивление», «раздражение», «полная нереальность ситуации, абсурдность ощущаемого», «самообман, обман», при этом коннотативный компонент «оценочность» может притягиваться глаголом из лексических единиц и словосочетаний, имеющих в контексте. Все остальные компоненты, необходимые для возникновения коннотации глагола возникают как следствие недостатка информации для адресанта и, отчасти, адресата, которому не сразу удастся разобраться в ситуации. Во всех вышеприведенных случаях коннотативное значение глаголов, выражающих неопределенность знания, возникает на основе прямого значения глагола в тексте.

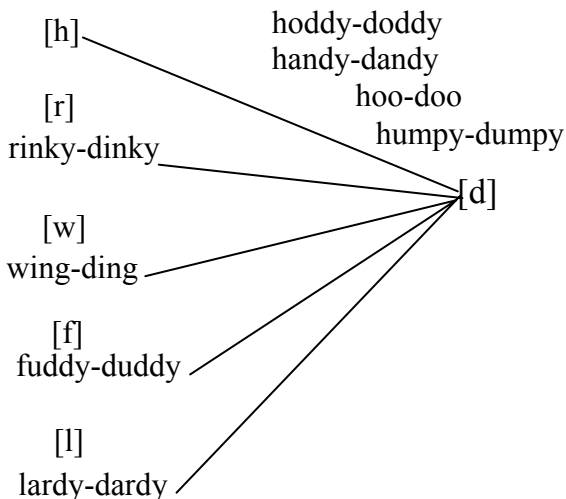
**К вопросу эмоциональной оценки
редуплицированных образований
(на материале армянского, русского и
английского языков)**

Повторы, образованные с инфлексией согласной можно подразделить на следующие разновидности.

1. Повторы, начальная согласная которых во втором сегменте меняется на \dot{U} (m). Данное явление происходит во всех повторах, за исключением тех, начальной согласной которых является \dot{U} (m), например: սրսր-մրսր “неправдоподобное”, րսն-մսն “что-то неопределенное: предмет, явление, действие”, գողտրիկ-մողտրիկ “нежное, приятное”, **гоголь-моголь, фигли-мигли, hugger-mugger**. В данном случае происходит повторение слова. С семантической точки зрения второй сегмент повторов выражает предметное значение, явление, действие: ласкательность, уменьшительность, презрение и др.

2. Повторы, в которых начальная согласная первого сегмента во втором сегменте чередуется с другой согласной. Изменение выражается в том, что первая или вторая согласная сегмента во втором слоге или сегменте меняется на другую согласную. Согласная первого слога или сегмента во втором слоге или сегменте может меняться на β (b), например: խզրզելերով “исписывать, исписать”, խօրօել “перемывать косточки, пересушивать”, **тары-бары, hilly-billy, hurly-burly, hubble-bubble, hubbub** и др.

Начальная согласная второго сегмента может меняться на

d, Կժիկ-դժիկ “юла”. В английском начальные согласные I сегмента могут переходить во втором сегменте в [d], например: [h] – [d], [r] – [d], [w] – [d], [f] – [d], [l] – [d],

В английском языке более распространена консонантная мена [h] – [d], например: **handy-dandy**, **hoddy-doddy**, **humpty-dumpty** и др. Остальные случаи консонантных мен малочисленны или единичны: [r] – [d], **repple-depple**, **rowdy-dowdy**, **rinky-dink**, [w] – [d] **wing-ding**, [l] – [d] **lardy-dardy**, [f] – [d] **fuddy-duddy**, [h] – [p], **hanky-panky**, **hodge-podge**, **hokey-pokey**, [n] – [p], **namby-pamby**, **niminy-piminy** и др.

В русском языке консонантная мена с начальным для второго сегмента звуко сочетанием [др], **штучки-дрючки**, **анки-дранки**, [шм] **битлы-шмитлы** и др. Данное языковое явление получило широкое распространение в современном армянском, русском и английском языках и, особенно, в диалектах, в которых повторы разнообразны и многозначны. Большая часть их приобретает вторичные переносные значения, которые становятся основными. Первичные значения могут совсем выйти из употребления.

Сленг как социально – психологическая категория

Все возрастные группы носителей языка используют сленг в своей повседневной деятельности, молодежь и студенты в большей мере, чем старшее поколение, занятое своей карьерой, где стандартный язык является одним из условий продвижения по службе. Но что касается общения в быту и повседневной реальности, здесь отсутствуют ограничения или какие-либо препятствия для употребления сленга. К тому же следует иметь в виду, что наряду с общим сленгом носители языка используют в своей повседневной деятельности и единицы профессионального специального сленга.

И в связи с изучением возникновения и употребления сленга некоторые ученые приходят к выводу, что сленг является не лингвистической, а, в первую очередь, (социально-) психологической проблемой [1, 9].

Поскольку сленг всегда формируется в определенной социальной сфере, то и, его вариантов столько же, сколько социальных групп мы можем выделить. Всегда важно учитывать социально-психологические корни сленга – так как сленг рождается в определенных группах и лишь лингвист, абстрагируя, может выделить специальные сленговые типы.

При выделении сленговых типов используются понятия: «маленькая группа» – «группа, состоящая из двух и более членов, обладающих одними или несколькими общими признаками, имеющих общие цели и интересы, связанных друг с другом, стремящихся вместе к осуществлению целей и в этом сотрудничестве формирующих правила, обязанности, права и нормы поведения» [2, 86]; «большая группа» – « ее члены не имеют обязательных личных отношений, обладают одним или несколькими общими принципами, им присуще коллективное сознание, они имеют свой определенный коллективный облик и цели, которые в процессе исторического развития могут

меняться, выделяются из общества как автономная группа» [2, 87].

Как уже отмечалось, социальная дифференциация общества сопровождается и социальной (профессиональной, групповой, функциональной) дифференциацией языка. При этом указывается ряд факторов, обуславливающих создание речевых и языковых единиц и их взаимодействия между собой в рамках того или иного жаргона. К таким факторам относятся:

1) деноминативный фактор – необходимость назвать, точно обозначить или охарактеризовать новый объект (или новое действие);

2) стилистический фактор – потребность в экспрессивно окрашенной, образной и одновременно – «экономичной», сжатой, «оперативной» речи;

3) ритуально – или защитно-функциональный фактор – когда некая микрогруппа (или совокупность таких социальных образований разного «масштаба») создает свой «язык», исходя из стремления выделиться, обособиться, придать своей речи магическое сакральное значение или сделать ее «закрытой», непонятной для «непосвященных» обывателей.

Применение сленга представителями разных социумов имеет различное социально-психологическое, культурологическое, лингвистическое (лексическое, семантическое, стилистическое, коммуникативное) значение.

Библиографический список:

1. Forgas, Joseph P. Interpersonal behaviour. The psychology of social interaction [Текст] / Joseph P. Forgas – London, 1996. – С. 7-11
2. Kalapacs, J. Социология на общедоступном уровне [Текст] / J. Kalapacs – Budapest, 1987. – С. 85-87

“Когнитивное словообразование и языковая картина мира.”

Всестороннее и многоплановое развитие теории синхронного словообразования, расширение сфер его исследования, а также специфика словообразования, проявляющаяся, с одной стороны, в осуществлении им ономаσιологической функции и совмещении в нем двух взаимосвязанных комплексов, комплекса всего актуального и комплекса потенциальных возможностей, то есть того, что в системе языка заложено в виде готовых формул, - с другой, свидетельствуют о том, что словообразование необходимо рассматривать в качестве одного из основных “участников” языковой категоризации действительности.

В пользу подобного утверждения говорит и тот фактор, что словообразовательному уровню языка принадлежит ведущая роль в означивании новых реальных и виртуальных сущностей.

Иными словами, посредством производных слов осуществляется лингвокогнитивная, в определенной степени этнопсихологически ориентированная категоризация действительности. В этом смысле оправдано рассматривать словообразование как одну из основных составляющих когнитивной лингвистики, где непосредственно осуществляется реконструкция языковой картины мира, ее вербальное проецирование.

Строгая упорядоченность и иерархическая организованность словообразования делают возможным выявление и изучение словопорождающих способностей языка. При этом осуществляется многоступенчатый, глубинный дериватологический анализ, направленный на моделирование словообразования.

Важно отметить также, что понятие самой сложной комплексной единицы словообразования, словообразовательного гнезда, выходит далеко за рамки этого уровня языка и приобретает статус своеобразной межуровневой единицы, обеспечивающей взаимосвязь не только лексического и словообразовательного уровней, но и участвующей в формировании дискурса. То, что единицы – члены гнезда находятся по отношению друг к другу в определенных отношениях различных типов мотивации, можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве своеобразной модели, по которой происходит категоризация действительности, конкретнее – словообразовательная категоризация. Открытость, ”подвижность” словообразовательной системы способствует разворачиванию виртуальной системной информации в случае, когда это разворачивание становится востребованным, социально, когнитивно обусловленным.

В ряде случаев вероятность актуализации возможно предсказать с определенной степенью достоверности, учитывая закономерности, регулирующие или, напротив, ограничивающие сочтваемость словообразовательных единиц, так называемые лингвистические ограничения различных типов, а также экстралингвистические, “когнитивные” рестрикции.

Таким образом, исследование основных единиц словообразования позволит вскрыть механизмы действия определенных когнитивных структур, что, в свою очередь, будет способствовать исследованию “перспективного” плана словообразования и дальнейшей разработки собственно генеративного словообразования.

О социокультурном формате армянского ономастикона в зарубежной лингвистической лексикографии

В зарубежной лексикографической практике к формированию словарей лингвистических (толковых) словарей существует двоякий подход. В одних словарях в качестве объекта описания предлагается только знаменательное слово (так, например, поступают все без исключения толковые словари русского языка, а также Оксфордский словарь английского языка). Другие словари в качестве описания единиц для последующего лексикографического описания наряду со знаменательными словами привлекают имена собственные (так поступают, например, многие лингвистические словари, представляющие французскую, немецкую, американскую лексикографию (1,2,3)⁹.

При первом подходе сказывается, по-видимому, определенное предубеждение против имен собственных вообще, поскольку все они, согласно широко распространенной, хотя отнюдь не бесспорной точке зрения, характеризуются “ярлыкообразной”, чисто номинативной функцией.

На наш взгляд, имена собственные также подлежат лексикографической обработке, но только те их единицы, которые вследствие высокой активности их употребления, актуальности и общественной значимости отрываются от бытийных реалий и устанавливают непосредственную связь с понятием, т.е. создают особый знаковый комплекс и, следовательно, являются названиями собственных имен лишь с диахронической точки зрения.

Второй подход в отличие от первого мотивирован социологически.

⁹ В работе над соответствующими словарями принимали участие: Галстян Г. Х. (французский язык), Ованесян А. С. (немецкий язык), Давтян Н. С. (английский язык).

Привлечение имен собственных в качестве лексического инвентаря словника лингвистических словарей – необходимое условие интернационализации лексикографического обслуживания создаваемого европейского содружества.

Сложный процесс интеграции не исчерпывается, однако, только соблюдением данного условия. Он требует разработки в лексикографии разных стран единообразных исследовательских методик, а также локализации идеологических и мировоззренческих расхождений в наиболее общих вопросах философии языка. В связи со сказанным особую значимость приобретает вопрос об определении формата включаемых в словник определенных социокультурных комплексов. Об отсутствии четких ориентиров в установлении меры представленности социокультурных рамок свидетельствуют, например, результаты сопоставительного анализа рассматриваемых словарей на предмет определения социокультурного формата армянского ономастикона.

Из трех словарей наиболее полно армянский ономастикон представлен в словаре немецкого языка (2). Общее количество разных имен собственных со значением лица составляет 33 единицы. Менее обширен формат армянского ономастикона в словаре французского языка – 12 разных имен собственных (1). Весьма скупо представлен армянский ономастикон в американском словаре Уэбстера (3). Он включает в себя всего 2 имени – писателя Сарояна В., композитора Хачатуряна А.

Итак, считая использование всего накопленного лексикографического опыта в области ономастической лексики делом большой важности при постановке и решении задач лингвистической лексикографии на современном этапе ее интеграции, мы намереваемся в предлагаемом докладе высказать некоторые суждения, в основу которых легло изучение практики западноевропейских толковых словарей в отношении имен собственных. Западноевропейская лексикография, несомненно, составляет значительную веху на пути освоения ономастической лексики русским языкознанием и практической лексикографией.

Литература

1. Larousse, France, Paris, 2007.
2. Meyers Grosses Taschen Lexikon, Mannheim-Leipzig-Zürich, 1999.
3. Webster's New World Doctionary, Cleveland and New York, 1988.

**Yeghiazarian G.
Yerevan Northern University**

Language, Culture and Cognition. Cultural Markedness of Phraseological Units

The relationship between the linguistic and cultural characteristics of bilinguals and their cognitive abilities has attracted the scholarly attention of many social scientists. The literature on bilingualism and multiculturalism aims at exploring the relationship between native and foreign culture, first and second language acquisition, cognitive development, and discussing the nature, role and effects of culture in language acquisition. The paper studies linguistic, cultural and pragmatic relations occurring beneath the phraseological level, emphasizing the importance of cultural awareness and competences related to the intercultural dimensions.

Thus, in each of our languages, the words and phrases we use, the discourse domains we engage reflect the way we categorise experiences just as they also reinforce a particular categorization. Furthermore, to apply the words appropriately to an experience presupposes that recognition of characteristics of phenomena may go unnoticed by the speakers of another language-culture. Therein lies one link between structuring experience in a particular way (culture) and encoding experiences into words (language). In other words, language is a paradigm which directly influences our life and reflects our culture. So, the ability to function in more than one language provides a way of “stepping outside of” one paradigm and of being able to compare and contrast one view with the other. The existence of a set of words which organize experience in a particular way

implies more than learning lists of vocabulary, but just as importantly, perceiving the characteristics of those phenomena important to the speakers of a particular language. Languages orient their users to particular ways of knowing and viewing the world.

Language is more than an ability to articulate; it is all that is involved in communicating with others: (1) a linguistic dimension (the sounds, forms and grammar of language); (2) a paralinguistic dimension (the tone, pitch, volume, speed and other affective aspects of how we say things); (3) an extra-linguistic component (all the non-verbal dimensions - gestures, movements, grimaces, etc.); (4) a sociolinguistic dimension- the different ways or styles used to express ourselves in each new situation, each style dependent on social factors such as age, role, sex, relationship, and the topic and setting of the speech event, and (5) a cultural component. Every individual learns and masters all of these dimensions as part of his or her communicative competence.

Language and culture are inseparable and the cultural context is extremely important to the learning process. Cultures differ from society to society. In order to understand how cultures differ, it is important to understand the meaning system of cultural models which are cognitive schemes shared by a group of people, composed of shared cultural knowledge, folk theories, folk wisdom, myths, beliefs, metaphors, phraseological units, proverbs, etc. The meaning system of these models includes not only cultural knowledge but also socially acceptable goals and motivations. Students can learn cultural models of another community by studying the cultural knowledge, linguistic patterns, discourse patterns, cultural assumptions of that community and by correlating all these patterns with their own cultural tools.

Cultures vary in how the language and orientation of a group has shaped cultural images about different aspects of life. Many phrases and images come from our physical world and are culturally bound. They not only bring to the mind various images from the shared cultural experience, but the images reinforce cultural values and reasoning.

For example, in the US, some people are said to “*want their cake and eat it, too*” which means not only have the thing desired, but also enjoy it. In Vietnam, this idea is expressed as “*people*

wanting both *the elephant and the fairy*”, that is, they want to be both powerful and attractive. But, *Երկու երևելի մի տեղ չի լինում»* (you cannot have everything you want at the same time).

Local markedness is interpreted as property of phraseological units in which the life condition, the geography of the country, the history and the culture, food, housing conditions, clothes and other realia of the nation are expressed. National and cultural markedness makes local coloring in semantics. Therefore, individuals exposed to a foreign language are to develop a differing or an expanded vision of the world. This development is affected by the different constructs of the world inherent in each language system, as well as by the differing interactional strategies used by the speakers of each system. Hence, the process of developing a foreign language is more than mastery of a tool, but as the paradigm which best reflects and affects culture.

It is well known that linguistic accuracy is less critical to effective communication in a foreign language than the accompanying paralinguistic and extra-linguistic aspects. Native speakers are much more likely to overlook grammatical errors than to excuse “inappropriateness” of interactional style and behavior. All of this requires increased attention to language as used within its cultural context.

Секция 5 - Сопоставительное изучение языков и межкультурная компетенция

Махнева О. А.

**Санкт-Петербургский гос. университет экономики и
финансов**

Сравнительно-сопоставительное изучение лексики как фактор формирования межкультурной компетенции

В настоящее время особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью межкультурной коммуникации, главным условием которой является взаимопонимание культур. Диалог культур осуществляется в рамках зачастую несовпадающих национальных стереотипах мышления и коммуникативного поведения, что влияет на взаимоотношения между общающимися сторонами. Поэтому для успешной коммуникации необходимо иметь хотя бы базовые понятия о ценностных приоритетах того или иного народа.

Поскольку язык народа является непосредственным отражением его менталитета, его отношения к жизни, то тот факт, каким образом в разных языках могут быть выражены одни и те же понятия и представления, свидетельствует об особенностях культурно-языкового сознания народа, говорящего на этом языке.

Один из способов описания культурно-языкового сознания народа заключается в анализе формально-материального выражения в языке базовых концептов сознания. Концепты «счастья /несчастья» являются таковыми, учитывая большую значимость, которую придают этим понятиям как носители русского языка, так и носители французского языка.

Анализ данных концептов проводится на материале русского и французского языков. Рассматриваются этимология и толкования слов, выражающие данные понятия. Выявляются синонимические ряды, чтобы более точно очертить границы выражения данных концептах в представленных языках. А

также анализируется то, как данные концепты проявляются во фразеологической структуре языка.

Сравнительно-этимологическое исследование лексических единиц, выражающих концепты «счастье /несчастье» показало, что в русском языке понятие «счастье» отражает коллективистский дух (человек должен быть с-частью чего-либо), в отличие от французского языка, где на первый план выходит отдельный индивид и доброе для него предзнаменование (от лат. *augurium*).

Анализ синонимических рядов, выражающих эти концепты в языке также показывает, что в сознании французского народа понятие счастья тесно связано с личными переживаниями говорящего на этом языке (*syn: contentement, euphorie, joie, plaisir, chance*), в то время как в русском менталитете оно связано с явлениями из вне : удача, фортуна, безоблачная судьба, везение, доля.

Анализ фразеологических единиц еще глубже позволяет представить разницу мышления двух народов.

Так, например, в понятии русского человека, счастье достается по большей части глупцу: *Счастье едет в карете, а с умом идут пешком; Дуракам везет; Глупому счастье – умному напасту*. Во французском же делается акцент на то, что счастья достается тем, кто этого больше всего достоин: *Il est plus sûr que le vice rend malheureux, qu'il ne l'est que la vertu donne le bonheur ; Le plaisir est le bonheur des fous, le bonheur est le plaisir des sages*.

Что касается концепта «несчастья», то в русском языке делается акцент на то, что от несчастья никто не застрахован: Может и так случиться, что богатый к бедному постучится; Придет беда – отворяй ворота; Горе не ищут, оно само приходит. Во французском этот аспект мало рассматривается, и понятие неотвратимости несчастья не столь категорично выражено: *Le malheur n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme*.

Таким образом, сопоставительное исследование лексических единиц позволяет достаточно точно описать существующий представление о том или ином понятии в разных языках, что способствует формированию необходимой

межкультурной компетенции и тем самым более успешной межъязыковой коммуникации.

**Бадалян Л.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

Культурно-языковые факторы и их отражение в словообразовательных возможностях глаголов (на мат. англ. и арм. языков)

В настоящее время большую актуальность приобретает сопоставительное исследование разных уровней языковой системы в плане выявления особенностей отражения специфики мировоззрения данного социума, что, в свою очередь, способствует выявлению общих и специфических свойств когнитивных процессов в разных лингво-культурных обществах. Поскольку производные единицы представляют значения, являющиеся важными для данного языкового общества, они могут служить «ключом» для интерпретации выше названных когнитивных процессов.

Полное описание номинативных особенностей производных слов требует изучения таких факторов, как тип и характер значения производящих баз, а также их парадигматических и синтаксических отношений. Иными словами, семантический анализ производящих баз становится важной частью словообразовательных исследований. С этой точки зрения, глаголы представляют ценный материал для изучения. Как известно, в значении глагола представлена целая ситуация, участники которой могут быть названы отдельными словами, в том числе и производными, отражающими ту же ситуацию с иной точки зрения – опосредованно, т.е. действием глагола. Отсюда можно сделать вывод, что производные единицы образуются в качестве реализации глагольных валентностей, которые потенциально существуют в значении глагола как субстанциональные семы.

Семантический и словообразовательный анализ глаголов одноименных лексико-семантических групп разных языков и их дериватов, последовательное конструирование и сопоставление их типовых словообразовательных гнезд (ТСГ) могут выявить особенности наименования одной конкретной ситуации при помощи словообразовательных средств.

Сопоставление ТСГ глаголов «разрушения» английского и армянского языков показывает, что главным структурным отличием между ними является отсутствие глагольной зоны в ТСГ английского языка, тогда как в армянском языке данная зона представлена несколькими словообразовательными значениями – возвратности, интенсивности, направления действия и т.л. Отсутствие глагольной зоны в английском языке обусловлено разными факторами. Так, в частности, в английском языке отсутствует специальная частица, показывающая страдательное значение. Что касается значения интенсивности действия, в современном английском языке оно выражается не словообразовательными средствами, а посредством семантического компонента интенсивности в значении некоторых глаголов.

Наличие глагольной зоны в ТСГ армянского языка обуславливает также различие в глубине сопоставляемых ТСГ. Если ТСГ английского языка состоит из двух словообразовательных шагов, то в армянском - их три, поскольку, кроме непроизводных, производные глаголы тоже образуют существительные, называющие действие или результат действия.

В сопоставляемых ТСГ обнаруживаются сходные черты в субстантивной и адъективной зонах, что объясняется общностью семантических компонентов в значениях глаголов английского и армянского языков. Формирование субстантивной зоны определяется наличием общих субстанциональных сем в значениях глаголов, таких, как например, действующее лицо, объект, орудие или результат действия. Для адъективной зоны важны только семы действующего лица и объекта действия.

On cultural universals in English and Armenian phrases Containing food names

In the Armenian and English languages one can come across phrases (comprising names of food) which have common origin and coincide in form and meaning, or which are identical by their semantic and stylistic peculiarities. Such units refer to international stock of phraseology, the latter being the result of either simultaneous translation of the same original text (first of all the Bible) or the result of successive borrowings. In other words a considerable number of equivalent phrases are of international currency and are called *cultural universals*.

According to G. A. Bagautdinova among the extra-linguistic factors contributing to the development of the international phraseology is the identical semantic development of similar phenomena of different nations' material and spiritual life. And the extra-linguistic factor that hinders the development of the international phraseology is the reflection of national peculiarity of the peoples' material and spiritual cultures.¹⁰

Cultural universals can be *fully* and *partially* equivalent. The equivalent phrases, as a rule, have certain lexical and grammatical differences which are accounted for by the language systems, though a series of common phraseo-semantic peculiarities are met. In our analysis it is the belonging of the components to the same semantic/thematic group, as well as the presence of the same metaphoric and metonymic principles. In case of complete equivalence we have complete coincidence of the expression and content plans. For example:

draw **water** in a sieve = մաղով ջուր կրել – do useless

¹⁰ Багаутдинова Г. А., Фразеологическое кодирование психических процессов и свойств личности (на материале русского и английского языков) авторефер. дис. на учен. степ. канд. филол. наук, Ленинград, 1986, стр. 21

things

dash/ throw/ pour cold **water** on sb/ sth = սառը ջուր լցնել/
սօժել/ մարել (մեկի վրա) – to disappoint smb

spring up/grow like **mushrooms** = սնկի նման/պես աճել/
բուսնել

Partially equivalent phrases are characterized by a slight difference of the plan of expression. The following phrases are partially equivalent, as the same meaning is expressed in them by the help of different food names.

դդումի/ տանձի գլուխ = **cabbage** head – a silly, stupid person

ինչպես **ջրի** երկու կաթիլ = like two **peas** in a pod – very much alike

իր **յուղի** մեջ տապակվել = stew in one's own **juice** – to suffer from smth the cause of which you are yourself

Besides we have come across to such partially equivalent cultural universals in which the food name is the same, but there are other lexical changes, like for example: «**մեղր ծախողը** մատը կլիզի» = “he who touches **honey** licks his finger” - the worker of an organization, the participant or the organizer of any activity will have additional benefit, extra profit

Let alone the above mentioned fully and partially equivalent phrases (comprising names of food) there are a number of such phrases which though aren't equivalent by their components and structure express the same meaning, arise the same metaphoric image. Such phrases reflect the psychology of a given nation better. The differences in psychology are also very interesting and essential as they reveal the peculiarities of the nations' mentality. As for example, in the Armenian language you don't earn or earn means of existence by using phrases containing the food name «**հաց**», whereas in the English language by phrases containing the food name “**salt**”, e.g. «*հաց աշխատել*» = “earn one's salt”, “not to earn salt for one's porridge” which means “not earn any money”.

The concept of hard drinking or alcoholism is reflected in Armenian phrases by the food name «**գինի**» and correspondingly in English by the food name “**sauce**”, e.g. *գինու տալ իրեն*=hit the *sauce*.

In the phrases under consideration the meaning of “interfering in others’ affairs” is rendered by the food names «սպուր» in Armenian and “pie” in English, e.g. սպուրը խառնել = cut a pie

The fact of being in trouble is reflected in the phrases «Ուտես՝ միս, չուտես՝ մատաղ» and “*in the soup*” again the same meaning being expressed by different food names.

The fact that everything and everyone has drawbacks is rendered in the following phrases «Միսն արանց ոսկորի չի լինի», «Որտեղ տանձ՝ պղնձ վրան» = “Every *bean* has its black”, “There are lees to every *wine*”.

So, in the phrases comprising a food name the general idea is presented by different images in the languages under study. The differences may be accounted for, on the one hand, by the traditional use of food names as components of phrases, by the differences of the semantic content of language units, by the synonymic differences, on the other hand, by the material and social life, by the spiritual and material cultures of the given nations. That is to say the same piece of the reality, the same objects, phenomena and notions of the reality get different linguistic wordings, express different vivid images in the phrases (comprising food names) of the languages under consideration as they are formed in the national consciousness based on different notions and ideas, they are conditioned by the system of stereotypes formed and developed by the nation, they pass through the mind and soul of the nation, therefore they are nationally and culturally marked. Thus, a synthesis of general, universal meaning and nationally marked lexico-grammatical, stylistic and psychological peculiarities occurs in cultural universals comprising names of food, which in their turn lend peculiar emotional flavour, force and colouring to speech and ultimately enhance the possibilities of cross-cultural communication.

Special Cases of Ellipsis in English and Armenian: A Communicative Approach

In this world of economic, scientific and cultural growth one has to be quick and cautious to be able to get ahead neck and neck with the speed of everyday life. Thus it has become a problem of utmost importance to be prompt at making the right step at the right time and be kept as much informed as possible. It is well known that nowadays even knowledge is gained on a ‘first come, first served’ basis. We live at times when the world is developing at a breathtaking speed and there is no time to look around. When communicating people try to be as efficient as possible and not to ‘beat around the bush’. In this sense the problem presented in this article can be viewed as actual and innovative. One way to ‘save time’ is to ellipst parts that are clearly understood in the context, especially if the part already occurs in a preceding part of the sentence. The leaving out of words and phrases is termed ellipsis. Ellipsis is widely used in all the languages as an essential part of speech economizing. The preference for abbreviation is not merely a preference for economy. Abbreviation can contribute to clarity since attention is focused on new information.

e.g. ‘Have you spoken to Bob?’

‘Not yet.’

The main types of ellipsis are contextual, situational and telegraphic. The former ones are used mainly in speaking. They occur in dialogues, particularly in answers to questions when one word stands for a whole phrase.

e.g. ‘Could you help me?’

‘Possibly.’

Ellipsis generally presupposes the omission of the main parts of the sentence. But sometimes not only the main but also the secondary parts of the sentence can be ellipst.

e.g. The small lady listened to me attentively.

In this example the adjective 'small' and the adverb 'attentively' are arbitrary members, but the prepositional object 'to me' is an obligatory one, because its absence would make the content and the grammatical structure of the sentence incomplete. As a rule in the English grammar the transitive verbs take a direct object. But as it is known, there are certain verbs which may be either transitive or intransitive.

e.g. Max played the tuba in the street.

Max played in the street.

If we consider that there has been an ellipsis of the object in the second example, we may only come to that conclusion if we have a definite context. Max may play just in the meaning of 'É³ Ô³ É'

 and not 'Ýí³ · »É'. So 'play' in the meaning of 'É³ Ô³ É' is an intransitive verb and to consider the object to have been ellipated would be wrong.

Let's compare the following two cases:

1. Jean-Pierre ate the cous-cous rapidly.
2. Jean-Pierre ate rapidly.

The verb 'to eat' differs from that of 'to play' with the fact that it is always used as a transitive verb. Consequently, in the second sentence the object should be considered as ellipated, as the verb 'to eat' always takes an object.

In the Oxford dictionary the verb 'to eat' is stated as an intransitive verb.

e.g. We ate ate pizzeria in town.

"Where shall we eat tonight?"

In the above example we may presume that Jean Pierre usually ate rapidly in the past and there is no need to mention what he especially ate. Eating rapidly was a feature or a habit characteristic of Jean-Pierre.

So, we may come to the conclusion that the object of the sentence in English may be an arbitrary or an obligatory member which mainly depends on the context.

Main Verbal Strategies of English Politeness and their Equivalents in Armenian

Politeness is a very complicated phenomenon, first of all related to grammatical forms, ways to express ideas, keeping talk fluent, confirming frequently what you have heard, etc. In many cultures the strategies of polite speech are almost similar. Still, it is interesting to compare the verbal means of politeness in English and in Armenian, considering the fact that Armenian is partly the bearer of western and partly, of oriental culture traditions. The following are the main verbal strategies used in English polite speech.

Avoiding the affirmative expressions

The customer said, "I'm afraid I can't help you." We can use this expression as a speech softener, when we give a piece of information that may not be welcome. The Armenian case for this is goes: "Յավոք չեմ կարող օգնել ձեզ", "Երևի չկարողանամ Ձեզ օգնել".

Using "would" or "could" and other modals

It is the basic way to use "would" and "could" for the purpose of expressing our politeness. Grammatically, they are the auxiliary verbs in the subjunctive mood. "Would you mind taking it back to the kitchen, please?", implies if the waiter had an intention to take it back to the kitchen he wanted the waiter to do so.

The Armenian equivalent strategy is: "Սա ետ չի՞ք տանի խնամո՞ց", "Սա խնամոց տարե՞ք հա՞/ լա՞վ", Where the last word serves as a softener.

Using the phrases asking the listener's intention

We should pay much attention to the listener's intention or mind. If we introduced our requests or questions without considering our listeners, we would fail to communicate.

Cf. Eng.- Sir, could you help me with this suitcase, please?

Arm.-Ներեցեք, պարոն, չէի՞ք օգնի այս ճանպարուկը տանել:

Making the sentence long

The following nine cases of equivalence are discussed:

Eng.

Arm.

Take it back to the kitchen.- Տարե՛ք խոհանոց:

Please take it back to the kitchen. - Տարեք խոհանոց, խնդրեմ:

Will you take it back to the kitchen? - Սա կտանե՞ք խոհանոց:

Would you take it back to the kitchen? - Սա կտանեի՞ք/չէի՞ք տանի խոհանոց:

Can you take it back to the kitchen? - Կարո՞ղ եք սա խոհանոց տանել:

Could you take it back to the kitchen? - Չէի՞ք կարող սա խոհանոց տանել:

Could you possibly take it back to the kitchen? - Միգուցե սա խոհանոց տանեի՞ք:

I wonder if you could take it back to the kitchen. - Թերևս սա տանեք խոհանոց:

I was wondering if you could take it back to the kitchen. - Թերևս սա տանեիք խոհանոց:

Luarbishvili V.

I. Chavchavadze State University, Tbilisi

The facets of the concept of romantic literature reflected in diverse cultural and linguistic traditions of Georgian, Russian and Spanish languages

One of the most characteristic signs of a country is its language. It contains the nation's history and carries all features – from its initial stage till modern times.

As an independent part of creative arts literature is unique due to its immediate and conceptional links to the sphere of ethnic mind and tradition of reasoning. Therefore, the uniqueness of literature spreads to its

particular role in different national traditions and cultures. In spite of the sharing of common literary schools (romanticism, symbolism, etc.), each culture is characterized with its own anatomy of creative writing.

The aim of our research is to clarify the thematic similarities in various traditions of literature of romanticism of Georgia, Russia and Spain and our linguistic and stylistic investigation is based on their language peculiarities.

We have distinguished several themes which are common in three representatives of romantic movement of the XIXth century – Nikoloz Baratashvili, Fiodor Tiutchev and Gustavo Adolfo Bécquer. We divided all the said themes into three separate groups.

The first group consists of symbols which are common for all authors and they imply *tears, eyes, light and sound*.

The second group is composed of the theme of *loneliness and invariability*. We tried to find out how the personal biographies of selected authors influenced the choice of these notions.

The third group consists of the special form of understanding the life through poetry. Here we investigate the explanation and understanding of life based on poetic perception and point of view.

In spite of linguistic peculiarities all three languages are carrying the common characteristics and the comparative analysis is the only way for understanding the rich and interesting palette of ideas.

The particular place in our study is given to the ways the two initial elements of romantic poetry, i.e. the concepts of life and a female, which are disclosed along with the investigation of the ideas of their cultural heritage.

**Маркосян Л.Е.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова**

О концепте “действие” и его спутниках в русском и армянском языках

Концепт «действие» аксиоматически можно определить как универсальное лингвокультурологическое явление. В пользу этого тезиса говорит тот факт, что словом действие

обозначается всякая активная, целенаправленная деятельность человека. И вовсе не случайно, что этот концепт и его «спутники»: деятельность, поступок, деяние – занимают весьма значительное место в системе понятий различных наук. Примечательно, что еще Аристотель рассматривал «Действие» в числе 10 Категорий как высших сущностей объективного бытия (Степанов 1982:121).

Анализ этого концепта в русском и армянском языках позволил выявить ряд весьма интересных, нетривиальных особенностей, касающихся как его содержания, так и синтаксического поведения. Русское слово действие как обозначение какой-либо деятельности этимологически связано с именем существительным «слово»: как свидетельствует Словарь Фасмера (СФ), в древнерусском имелось слово *дѣтъ* – (он) ‘говорит’, к которому восходят сохранившиеся в современном русском языке частицы *дѣскатъ*, *де*, которые первоначально использовались как средство цитирования чужой речи, чужих слов. Этимологическое родство лексем, относящихся к сфере «действие», и слов, обозначающих *речь*, *говорение*, прослеживается и в армянском языке: глагол *րիւիւի* в прошлом имел значение «делать что-либо, действовать», хотя в современных словарях это значение не приводится. Однако его с легкостью можно выделить из содержательной структуры слова *իւրիւի* – ничего не делающий, бездельник, ср. *իւրիւի* Հընըի то же, что *իւրընը* Հընըի. Ср. также устойчивое словосочетание *րիւի ու գըրծ*, где на основе сочинительной связи сочетаются близкие по значению слова, образующие конструкцию типа լից ու կընծ, ժոււ ու ցիւլիւրիւց и т. п.

В то же время в 4-томном толковом словаре армянского языка под редакцией Э. Б. Агаяна у многозначного слова *րիւի* с пометой «устаревшее» дается также значение ‘речь, слово, выражение’, что без труда вычленяется из структуры таких композитов, как *րիւիւիւեր* (букв. любитель слова), *րիւիւիւրիւիւ* (словопрения) и др.

Тот факт, что *слово* и *действие* (дело) имеют общность происхождения и онтологически связаны друг с другом, свидетельствуют высказывания древнегреческих мыслителей,

особенно весомые в связи с нашей проблемой, например: «слово есть образ дела», - утверждал Солон, а также созвучное этому изречение Демокрита: «Слово – тень дела».

В общесобытийном употреблении имя «действие» в русском в отношении конструкций с глаголами активного действия обычно не употребляется. К примеру, сомнительно звучит фраза *Он покрасил дверь и после этого действия решил отдохнуть, хотя, без всякого сомнения, покрасить относится к группе глаголов активного физического действия.

В армянском языке подобное употребление оказывается также невозможным, ср. *Նա ներկեց դուռը ու այդ գործողությունից հետո որոշեց հանգստանալ. В русском языке в подобных случаях употребляется местоимение *это*, в армянском – его родич «դա». В русском возможно также употребление слов с обобщенным событийным значением и номинализаций, напр.: *после этой работы, после этого занятия, после рубки леса, после чистки обуви* и т. д. *он решил отдохнуть*. Армянский в целом отдает предпочтение номинализированным конструкциям, ср: դուռը ներկելուց հետո или այդ բանից հետո, ինչ նա ներկեց դուռը. Но зато приемлемым является выражение не самого слова գործողություն, а его слова-спутника: Он покрасил дверь. Эта работа (этот процесс отнял у него много сил). – Նա ներկեց դուռը. Այդ գործը նրանից շատ ուժ խլեց.

Русское слово действие, как и армянское գործողություն, практически не используется в качестве классификатора. К примеру, нельзя сказать *Уборка квартиры – хорошее действие или *нужный, приятный процесс*, так же как в армянском Հատակը հավաքելը լավ գործողություն է (или անհրաժեշտ գործընթաց է). Зато в таких конструкциях вполне нормативно употребление классификатора *дело*, который в семантическом отношении здесь близок к именам *вещь, штука (уборка квартиры – хорошее или полезное дело, нужная штука)*, так же как в арм. Տունը հավաքելը լավ գործ է (լավ բան է). Причем если имя является девербативом, обозначающим активный процесс, то в этих конструкциях возможны и *գործ*, и *բան*, если

же это классифицирующий, таксономический терм, то предпочтительно слово *բիւն*, а не գործ, ср. Օրիւնը վառ բիւն է (но не գործ), Օրիւնը վառ բիւն է, но не գործ, ср. в русском: *Курение – вредное дело; Табак – вредная штука.*

В ряде своих употреблений русское слово *дело* референтно близко к словам *поступок, событие (сделать хорошее дело* – с очевидной тавтологичностью, приблизительно равное *совершить хороший поступок; Дело было осенью* приблизительно равное *Это (это событие) произошло осенью*). Интересно также то, что в армянском, как и в русском, допустимы близкие тавтологичным сочетания типа գործ անել, բիւն անել (=дело делать), но не употребительны գործ կատարել, գործողութիւնն անել; что касается слова արարք, то оно весьма ограничено в своих сочетательных реализациях – ср. Արարք գործել, оно восходит к слову արար – ‘действие’, - не случайно, к примеру, у Л.Шанта акты драматического произведения называются именно արարք и представляет собой как бы собирательное множество от գործողութիւնն (на это указывает суффикс -ք), причем чаще всего употребляется в этических контекстах – նրա արարքը – то есть то, как он поступил, как он вел себя. Следует также подчеркнуть, что արարք в целом избирательно предпочитает негативные контексты, и вовсе не случайно, что в юридических текстах употребляется именно слово արարք с очевидным указанием на криминальный характер содержания сообщения (что аналогично русскому слову *деяние*, являющемуся “спутником” слова *действие*). Однако արարք в сочетании с аксиологически положительным словом լավ в армянском может быть использован и в оценочно-позитивных контекстах, что не характерно для соотносительного русского слова *деяние* (употребление типа *деяния апостолов* с положительной аксиологией следует считать устаревшим), ср.: նրա լավ արարքը (здесь армянскому արարք соответствует русское *поступок*) հիացրեց բոլորին.

Практически не используются также положительные контексты с именем *действия*, которые в соответствующих конструкциях имеют весьма искусственный характер в силу их очевидной негативной ориентированности, ср.: Действия северокорейского правительства вызвали резкое осуждение в странах региона; ср. также *предосудительные* или *самовольные действия*, причем примечательно, что употребление имени *действие* в единственном числе оказывается невозможным.

Заключительное пленарное заседание

Брутян Л.Г.
ЕГУ

Гендерные различия в обращениях как проблема межкультурной коммуникации

Проблемы гендерной лингвистики, этой сравнительно молодой и бурно развивающейся области лингвистики, можно рассматривать и как проблемы межкультурной коммуникации, если изучать речевое взаимодействие лиц обоих полов как взаимодействие представителей двух субкультур со своим особым менталитетом и системой ценностей. В то же время я, вопросы

взаимоотношения языка и гендера, рассматриваемые сквозь призму разных языков и культур, в плане кросс-культурных и межъязыковых сопоставлений, - это интереснейшие и еще малоизученные вопросы межкультурной коммуникации. В предлагаемом докладе делается попытка рассмотрения одного из важнейших понятий гендерной лингвистики – понятия гендерной дискриминации в языке – на материале частного вопроса: гендерных различий в обращениях в русском, армянском, английском и других языках.

Дискриминация по половому признаку явственно прослеживается по таким обращениям к женщине, как *миссис*, *мадам*, *мисс*, по которым легко можно установить ее семейный статус, тогда как обращения типа *сэр* и *мистер* не выявляют семейного статуса лица мужского пола. Другим примером дискриминации являются такие формальные обращения к супруге человека, занимающего высокое положение и/или обладающего каким-либо титулом, в которых используются титулы, звания и/или имя мужчины: *Mrs. Charles Smith*, *Mrs. President Roosevelt* и т.д. Такие обращения употребительны в английском, немецком и других языках. Обращения *Господин* и *госпожа Павловы*, *Mr and Mrs. Smith*, *Տէր և Տիկին Չալքերշիմցեր*, называющие только фамилию мужа и указывающие на лицо

мужского пола первым, также свидетельствуют о мужском превосходстве. Гендерная дискриминация проявляется и в асимметричном использовании имени и фамилии, в частности, в американском обществе, где женщин чаще называют по имени, а к мужчинам обращаются больше по фамилии, даже когда они занимают одинаковые должности. Использование в качестве обращения отчества в русской разговорной речи тоже свидетельствует о гендерной дискриминации. Так, если к женщине обращаются *Петровна*, не называя ее имени и тем самым как бы “лишая ее имени, то этим не только подчеркивается ее принадлежность лицу мужского пола, но и ей приписывается мужское имя. Вышедшие в последние годы из употребления обращения типа *Товарищ Иванов/ Иванова, ընկեր Սիրգյուշի* с референцией к лицам обоих полов также имплицитно мужскую доминанту: при наличии коррелятивных слов *товарищ/ подруга, ընկեր/ ընկերուհի* в обращении к женщине употребляются существительные мужского рода.

Что касается гендерных различий в обращениях к незнакомым людям в русском языке, то незнакомую женщину мужчины называют, как правило, *девушка*, независимо от возраста последней, в отличие от лиц женского пола, которые женщину в возрасте *девушкой* не назовут. Незнакомого мужчину, которому за сорок, женщины называют *мужчиной*, но не *молодым человеком*. Мужчины, в отличие от женщин, позволяют себе и фамильярные обращения по отношению к лицам женского пола (то же наблюдается в английском и армянском языках). В этом – различие психологических установок у лиц обоих полов.

Что касается обращений знакомых женщин друг к другу, то они называют себя *девочками, девчонками*, независимо от возраста, что эксплицитно их внутренний психологический настрой на молодость, тогда как в мужских обращениях друг к другу (*брат, мужик* и т.д.) имплицитно психологическая установка на солидность и силу.

Все вышесказанное важно с познавательной точки зрения, что дает основания говорить о необходимости исследования многообразных вопросов взаимоотношения языка и гендера.

Когнитивная база как основа формирования глобальной связности текста в межкультурном пространстве

Текст, в его традиционном понимании, рассматривается как некая организованная по дистинктивным признакам абстрактная модель, как особый тип высказывания, обладающий рядом параметров, определяющих его как отличную от других единицу языка. И это вполне правомерно, ибо, если отнять у текста ту системность, в которой он определяется как особый тип высказывания, обладающий завершенностью, содержанием, ограниченным целенаправленностью и прагматической установкой заложенной в нем информации, и, наконец, связностью, то он просто превращается в спонтанный и неорганизованный речевой акт.

Любой текст, организованный по правилам его моделирования, является реальной/ирреальной картиной мира, репродуцированной одним из участников коммуникации и интерпретированной другим. Он (текст), как и дискурс, является тем инструментом человеческого общения, который полностью зависит от знания и опыта коммуникантов, их способности воспринимать, реконструировать и репродуцировать актуальную картину мира. Однако в отличие от дискурса, текст считается продуктом индивидуального производства. Хотя и это его качество оспоримо по той простой причине, что, как только он переходит от создателя к воспринимающему субъекту, т.е. от продуциента к реципиенту, происходит его неминуемое со-творение, т.е. наступает стадия сотворчества автора и читателя, благодаря чему он приобретает качество так называемой коммуникативной динамичности. Однако динамичность его реализуется не внутри, а за его пределами. Круг его читателей весьма условно считается ограниченным рамками функционального стиля, т.е. той коммуникативной ситуации, для которой он продуцируется и в пределах которой он

функционирует. Ведь ни один автор не может предугадать в чьи руки попадет созданный им текст, и как он может быть интерпретирован «неизвестным читателем».

При этом связность текста как на микро- так и на макроуровне, т.е. связность локальная (внутритекстовая) и связность глобальная (вокругтекстовая), становится необходимым условием для успешного взаимопонимания коммуникантов. И хотя сам по себе мир, воспроизведенный в тексте и, соответственно, воспринимаемый адресатом - это мир, ограниченный сознанием его творца и его «потребителя», т.е. реципиента, именно благодаря последнему происходит установление релевантных связей между структурами знаний и создается связная модель ситуации. Текст в данном случае становится некой открытой системой, декодирование которой перемещается в иную плоскость коммуникативного назначения, так называемое вокругтекстовое пространство, понимание и осознание которого особенно усложняется, если в нем присутствуют элементы и явления иной культуры.

Глобальная связность текста в этом случае подразумевает выход в межкультурное пространство, где узко-национальное переступает порог общечеловеческого, что подразумевает создание таких мысленных образов в сознании реципиента, которые стимулируют использование когнитивной базы, как совокупности обязательных знаний, необходимых для активации у последнего процессов восприятия, размышления и узнавания.

В данном случае происходит формирование и кодирование тех структур информационного и эмоционального характера, которые способствуют наиболее адекватному восприятию заложенной в самом тексте информации и мотивируют читателя к поиску связей между данной информацией и так называемым «текстом в голове», т.е. когнитивной модели мира, существующей в его сознании.

Просодические особенности диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом в английском языке

Практически любой коммуникативный тип диалогического единства может реализоваться с лексико-синтаксическим параллелизмом его конstituентов – вопросно-вопросное единство, вопросно-ответное, повествовательное, побудительное, восклицательное, единства речевого этикета (благодарность, приветствие, прощание, извинение) и др.

Функциональные причины порождения лексико-синтаксического параллелизма могут быть разные – нехватка времени на реакцию, обдумывание содержания реплики-стимула, стремление гармонизировать с речепартнером и др.

Примеры многочисленны: а) *'Did she , go there? – Did she ' go there?* (How do I know?), б) *'When did he start? – When did he ' start?* (Probably in the morning.), в) *He 'has it? – He `has it.* (Don't worry), г) *She likes him. – She likes him.* (Why did she leave him then?), д) *'You 'stay `here. – `You stay ,here.* (But not anybody else.), е) *'What a rem'arkably 'pretty little `house! – ,What a re markably , ,pretty ,little house!* (Indeed! That's why nobody wants to buy it.), ё) *`Thank you. – Thank ` you.* (The pleasure was all mine.), ж) *'Good- , bye. – Good- ` bye.*

Подобные речевые акты типологически ориентированы и одинаково успешно функционируют во многих европейских (а возможно, и других) лингвокультурах.

Предметом нашего исследования являются особенности просодической организации диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом (ДЕЛСП) в английском дискурсе.

К числу объединяющих черт указанных типов ДЕЛСП относится, прежде всего, общий характер темо-рематических отношений конstituентов ДЕЛСП: то, что в реплике-стимуле является ремой, становится темой в реплике-реакции, а тема

первого конституента приобретает качество ремы во втором. Именно этот фактор выступает главным регулятором просодической организации ДЕЛСП.

В плане языковой экспликации объединяющей чертой ДЕЛСП является просодический антипараллелизм его конституентов, который, естественно, проявляет своеобразие в каждом типе ДЕЛСП.

Основными маркерами этого своеобразия являются комплексы, конституируемые ядерными и периферийными просодическими признаковыми параметрами – разным характером соотношения тоноконфигураций в структурных компонентах реплик, их регистровой локализации, скорости изменений частотных характеристик, объема интервала в максимальных повышениях и понижениях тона, темпоральных и динамических средств. Например, в вопросно-вопросном ДЕЛСП просодический антипараллелизм формируется противопоставлением а) высокого уровня тона предъядерной части первого конституента низкому во втором, б) низковосходящего терминального тона высоковосходящему, в) рассредоточенности проминантности в первой реплике ее максимальной концентрации в ядерной части второй. В ДЕЛСП речевого этикета типа

Thank you. – Thank you мы наблюдаем сдвиг ядерного тона с первого слога в стимуле на второй в реакции, который сопровождается противопоставлением тональных уровней начала реплик, их динамических и темпоральных характеристик, контрастным выделением ремы во втором конституенте и просодическим подавлением его предъядерной части.

Представляет интерес выявление таких комплексов не только в рамках одной лингвокультуры, но и на уровне межъязыковых соответствий – англо-русских, англо-армянских, армяно-русских и т.п.

Hovhannisyan G.

Global English and Intercultural Communication

A discussion of the present day English as a language of international communication is presented. The question of “language through culture lenses” in our case stands as “English through the multicultural uses”. Obviously, the issue is multifaceted: the change of the English language over its chronological, topological and social- pragmatic variations causes discussions among linguists, IC specialists and EFL teachers.

A pilot research of Intercultural Communication, English as a Foreign Language and English as Lingua Franca shows that international English is being shaped by a multicultural community of world English speakers, who are representatives of diverse verbal consciousness. Still, the English *we study* is often not the English *we learn* to use and not at all the English the Englishmen speak in their country. In a culturally diverse communicative environment people with different ethno-cultural backgrounds do not think of the language they use as a learning object which someone assesses by some criteria. The natural communicative involvement imposes one critical necessity on the multicultural communicants – this is the necessity and the only criterion of understanding and being understood. In different communicative situations there are parties who have different expectations and different preconceptions of their communicative actions due to their experience with the cultural norms and conventions of the communities to which they belong. They construct their thoughts in the way they are used to in their native languages, they use the connotative and emotive colorings they consider proper as their cultural norms of communication, finally, they come up with topics and stresses in them which are quite acceptable in their own cultural frameworks.

In present-day communication research there exist two, yet not clearly defined approaches to intercultural communicative competence (ICC) as an academic paradigm. According to one of the approaches, IC leads to global communication and suggests a pragmatic and socially stratified *genre diversification* in foreign

language teaching and learning design. Here we prefer the term genre, because in communication research it is defined as a variation of recognized patterns for communicative actions, providing one source of norms and conventions for global communication.

The second approach to ICC emerges from the ethno-cultural exchange perspective, where foreign language learning is motivated by less pragmatic motivation and respects the cultural identity of communicants in mutual culture learning and comparison. Here language learning is not separated from its culture. Language itself is represented not so much a communicative means as a clear manifestation of culture – words and phrases are not extracted from their cultural discourse and semantic system, representing cultural perception, values and behavior. The proponents of this approach admit that miscommunication occurs when one interprets communicative rules of one culture in terms of the rules of another culture. For this, J. Stier (2003) suggests that intercultural competence can be divided into content-competences and procedural competences. The discussion goes on how these competences are realized in the case of English: what cultural contents and pragmatic procedures should be considered in the case of English as a language of intercultural communication.

References

- House, J. 2001. BBC. "Debate. Global English: The European Lessons." Wednesday 18th April 2001. Brighton Conference Centre, Brighton, UK.
- Phillipson, R. 2001. "Global English and Local Language Policies." *Language Problems and Language Planning*. Volume 25, Number 1, Spring 2001, pages 1-24.
- Swales, J. 1997. "English as Tyrannosaurus Rex." *World Englishes* 16, 373-382.
- Stier, J. (2003) "Internationalization, ethnic diversity and the acquisition of inter-cultural competencies". *Journal for Intercultural Education*, 14.
- Seidlhofer, B. English as Lingua Franca. *ELT Journal* V. 59/4 October 2005. Oxford University Press.

Заочные участники

Айрапетян Л. С.
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова

Социокультурные компетенции и ее роль в процессе изучения иностранного языка.

В условиях развития современного общества прочно утвердился тезис об изучении языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии. Выдвигаются новые требования к человеческой личности, главным достоянием которой должна являться общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности.

Общество, на каждом этапе его становления, достигло высокого уровня развития науки и образования, и одним из показателей является способность личности к социокультурной адаптации. Поэтому, появляется необходимость в подготовке компетентного всесторонне образованного специалиста, способного быстро и адекватно реагировать на изменение условий жизнедеятельности.

Особая роль в реализации идеи социокультурной адаптации принадлежит иностранным языкам, с помощью которых и осуществляется непосредственный и опосредованный «диалог культур» - иностранной и родной, ставший одним из основных положений современной концепции образования.

Остановимся на соотношении языка и культуры. Их тесная взаимосвязь очевидна. Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

Итак, язык не существует вне культуры. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов

человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной.

Уровень знания иностранного языка студентом определяется не только непосредственным контактом с его преподавателем. Для того, чтобы научить иностранному языку, как средству общения, нужно создать обстановку реального общения, наладить связь преподавания иностранного языка с жизнью, активно использовать иностранные языки в живых, естественных ситуациях. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный.

К компонентам культуры можно отнести традиции, обычаи, обряды, бытовую культуру, тесно связанную с традициями, повседневное поведение, привычки и т.д.

В наших условиях, при новой постановке проблемы преподавания иностранных языков стало очевидно, что радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между людьми разных национальностей может быть достигнуто только при ясном понимании и реальном учете социокультурного фактора.

Таким образом, появляется необходимость более глубокого и тщательного изучения мира носителей языка, их культуры, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. Язык не существует вне культуры, в основе языковых структур лежат структуры социокультурные. Знать значение слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка.

В процессе работы важна роль самого преподавателя, его личности, его умения создать психологически доброжелательную обстановку, учитывать индивидуальные особенности студентов, заинтересовать их изучаемым материалом. Этого можно добиться как различными формами

предъявления учебного материала, так и активизацией речемыслительных способностей обучаемых.

Особенно важно знание культурного наследия страны изучаемого языка, ее литературы, которая объединяет в себе и язык, и культуру страны, и фольклора, как отражение коллективного бессознательного народа.

За последние годы значительно выросло число работ, свидетельствующих об интересе и стремлении лингвистов найти наиболее рациональные методы преподавания иностранного языка, целесообразностью обучения культуре иноязычной страны через призму языка, его национальное содержание. Наиболее значительные достижения, имеющиеся в данном направлении, были сделаны, главным образом, в рамках лингвострановедения.

Литература

1. Елизарова Г.В. О природе социокультурной компетенции// Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. *Studia Linguistica* 8. -СПб: Тригон, 1999.

2. Терминасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. Пособие) – М.: Слово/Slovo, 2000.

3. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам.- М.: Высшая школа, Амскорт Интернэшнл, 1991.

4. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуро-ведение в теории и практике обучения иностранному языку. - Саранск: Изд-во Морд, ун-та, 1993.

Модели визуального поведения как семиотическая подсистема коммуникативной деятельности

Подавляющее большинство исследований по невербальной коммуникации посвящены лицу человека. Традиционно считается, что именно последнее является главной составляющей внешности, а его выражения играют важнейшую роль в общении. В частности, установлено, что 55% – 70% информации сообщений воспринимается посредством окулесических знаков.

Анализируя последние, необходимо установить их коммуникативно-функциональные категории: а) подтверждение и дублирование выраженного словами, б) отрицание или запутывание вербального сообщения, в) усиление и акцентирование словесного сообщения, увеличивая интенсивность сказанного и придавая ему определенную эмоциональную окраску.

При этом когнитивные мотивы их реализации, согласно Г. Уэнрайту и другим исследователям, можно классифицировать на шесть категорий: 1) получение информации, 2) демонстрация внимания и интереса, 3) побуждение к взаимодействию и осуществление контроля над его ходом, 4) выражение собственного превосходства, угрозы или психологического влияния на оппонента, 5) экспрессивизация реакции в процессе общения, 6) определение состояния и установки собеседника.

Актуализация конкретного типа окулесических коммуникативных знаков детерминирована типом коммуникации (тип дискурса, функциональный стиль, речевой жанр). Частотность их использования и коммуникативно-социальная релевантность данных знаков обусловлены множеством факторов: сферой и самой ситуацией общения, ее участниками (их образовательным, возрастным уровнями, их

информационными и коммуникативными интенциями, местом и формой общения и др.).

Взгляд – функционально многообразен: 1) способ самопрезентации коммуниканта; 2) орудие риторического давления, 3) психоэнергетический выброс высокой концентрации, несущий информацию о человеке, опровергающую или подтверждающую его вербальное сообщение.

Зрачки как составной компонент окулесической системы имеют ряд значений. Так, расширенные зрачки указывают на заинтересованность, волнение или беспокойство коммуниканта, суженные – недовольство услышанным, возражение, враждебный или разгневанный настрой, с одной стороны, или глубокое безразличие к происходящему, с другой стороны.

Важно дифференцировать взгляд и контакт глаз. На уровне видов отношений к речепартнеру проявляется –

- дистанция – позитивный полюс («включенность» в контакт, отношения привязанности, заинтересованности, принятия с корреспондирующим интенсивным визуальным контактом, подчиняющимся правилам в соответствии с ролью коммуникатора и слушателя); негативный полюс («выключенность» из контакта, отстраненность, автономность, отчужденность отношений, выраженные нечастым, неинтенсивным или полностью отсутствующим контактом глаз);

- позиция – полюс «контроля» (доминирование, власть, подавление с соответствующими интенсивностью и продолжительностью окулесического контакта с речепартнером, особенно в моменты активной коммуникации); полюс «подчинения» (покорность, неуверенность с характерным «свернутым» контактом глаз, частичным и быстрым поглядыванием на партнера по общению, а также достаточно настойчивым поиском взгляда партнера);

- валентность – позитивный полюс (отношения эмоциональной близости, доброжелательности, симпатии, сопровождающиеся теплым, ласковым взглядом); отрицательный полюс («эмоциональная холодность»,

подозрительность, неприязнь, выраженные пристальным, жестким, холодным взглядом).

В качестве критериев анализа контакта глаз предлагается рассматривать –

✓ пространственные характеристики – прямой взгляд (интерес, уважение, открытая позиция, уверенность, готовность к контакту); направленный вдаль взгляд (задумчивость, сосредоточенность, сомнение, колебание); направленный «сквозь партнера» взгляд (подчеркнутое неуважение, возможная агрессивная реакция); направленный мимо партнера взгляд (эгоцентризм, нацеленность на себя); взгляд «сбоку» (скепсис, цинизм, недоверие, озабоченность); взгляд снизу, «исподлобья» (агрессивность, доходящая до готовности к нападению или защите; при наклоненной голове и напряженной согнутой спине – подчиненность, покорность); взгляд сверху вниз (чувство превосходства, гордость, высокомерие, презрение); твердый взгляд (уверенность в себе); жесткий взгляд (скрытность, агрессивность, иногда бесцеремонность и недоверие);

✓ степень интенсивности свидетельствует о выраженности интереса к партнеру (пристальный взгляд, бросить взгляд, скользнуть взглядом);

✓ временные параметры смотрения друг на друга (частота контакта, длительность контакта). Так, при нормальном развитии отношений коммуниканты осуществляют зрительный контакт от 30% до 60% всего периода общения. Если общающиеся во время делового разговора смотрят друг на друга больше 60% времени, то они более заинтересованы в личности партнера, чем в предмете контакта. При позитивном развитии отношений окулесические функции реализуются длительнее и частотнее, когда речепартнер является слушателем, а не говорящим. В том случае, если отношения приобретают агрессивный характер, то частота и интенсивность взглядов резко увеличиваются.

Контакт глаз нарастает также с увеличением дистанции между общающимися: коммуникант склонен смотреть на говорящего больше тогда, когда он находится на некотором расстоянии. Существенное влияние на взаимосвязь временных параметров контакта глаз и дистанции общения оказывают пол

и возраст партнеров. Если у мужчин-коммуникантов контакт глаз увеличивается с ростом дистанции, то у женщин-коммуникантов эта взаимосвязь не так прямолинейна: самый интенсивный контакт наблюдается в том случае, когда речепартнеры находятся на расстоянии 15 см; средний – при 60 см, наименьший – при 3 м. Некоторые исследователи склонны считать, что большое расстояние между партнерами по общению блокирует необходимый для женщин-коммуникантов уровень влияния, в результате они уходят от коммуникативного взаимодействия.

Контакт глаз тесно связан с различиями в социальном статусе общающихся: находится на среднем уровне с адресатом достаточно высокого статуса, достигает максимума при умеренно высоком статусе адресата и снижается до минимума при низком статусе адресата. Если взгляды участников взаимодействия обращены к какому-либо одному коммуниканту, это является свидетельством его очевидной лидерской позиции в группе.

Кросс-культурные различия также влияют на длительность взгляда. У некоторых народов существуют «культурные запреты» на пристальное и долгое осуществление зрительного контакта. Например, у народов Северного Кавказа существуют ограничения на контакты глаз: такие табу имеют отношение к женщинам, общающимися с мужчинами-партнерами, и к мужчинам во время их взаимодействия со старшими по возрасту. При этом отмечается сходство между показателями проксемики (пространственная близость) и окулесики (контакт глаз): в культурах, где предпочитается пространственная близость, предпочтение отдается и более выраженному контакту глаз.

Более всего изучен контакт глаз, связанный с характером взаимодействия и темой разговора. Установлено, что говорящий смотрит на слушающего в конце каждой реплики и в опорных пунктах сообщения, а слушающий – на говорящего, осуществляя, таким образом, информационный поиск и сообщая собеседнику, что готов слушать.

Англо-русские соответствия фразеологизмов номинации некоторых видов зоонимов

Межъязыковое сопоставление фразеологизмов, хотя и значительно разработано, всё ещё характеризуется не полной изученностью проблемы, в частности, в области сопоставительного исследования различных видов номинации и особенностей их фразеологических моделей, представленных в каждом языке определенной генетической, структурной, семантической и функциональной общностью.

Целью данной работы является выяснение общих и дифференциальных признаков фразеологизмов номинации домашних животных и птицы на базе изучения их лексико-семантических предпочтений. Материалом для изучения послужили выборки примеров фразеологизмов, используемых в живой разговорной речи последних лет и зафиксированных в словарях новейших отечественных и зарубежных изданий. Общий объём анализируемого материала составил 2000 единиц.

Базируясь на классификации данных словарных выборок фразеологизмов номинации домашних животных и птицы в изучаемых языках, следует выделить их три разновидности: 1) фразеологизмы, не имеющие эквивалентов в обоих языках; 2) фразеологизмы, имеющие эквиваленты в исследуемых языковых системах; 3) фразеологизмы с компонентами частичной номинации их семной организации полевой структуры.

Фразеологизмы, не имеющие эквивалентов в сравниваемых языках, как показывает метод компонентного анализа, используются в речи в «готовом виде» при узуально фиксированном диапазоне изменений, или в силу закономерностей их лексической и семантической обусловленности со связанным значением, типа *слепая курица*, *собачья жизнь*, *donkey's work*. Как в русской фразеологической системе, так и в английской, фразеологизмы могут

характеризоваться определенной степенью вариативности их синонимических отношений, объединяясь в тематический ряд по принципу смысловой общности смыслового ядра. В английском языке русским функционально идентичным фразеологизмам соответствуют значения, либо переданные свободной комбинацией слов и не являющихся фразеологизмами, либо фразеологизмами, не номинирующими домашних животных и птицу.

Под фразеологизмами, имеющими эквиваленты в изучаемых языках, понимается тождественность фразеологической устойчивости, обеспечивающей их воспроизводимость в речи в «готовом виде» при всех узуальных и окказиональных изменениях, общность синтаксических структур, образованных на основе одной и той же фразеологической модели и воплощающая одни и те же образы. Данный тип фразеологизмов появляется в результате фразеологического параллелизма, который основывается на однотипном переосмыслении исходных свободных сочетаний. Большую роль в развитии фразеологического параллелизма играет тип семантического сдвига (метафора, метонимия, синекдоха, образное сравнение).

Под фразеологизмами номинации домашних животных и птицы с компонентами частичной номинации их семной организации понимается такой тип номинации, при котором имеется общность оценочно-эмоционального восприятия, актуализированная вариативностью семного состава полевой организации фразеологизмов, в силу этнокультурной специфики народов. Ср. русский фразеологизм *купить кота в мешке* и английский функционально однотипный фразеологизм *to buy a pig in a poke*.

Как показало исследование, изучение семантической категории процесса номинации опирается на этнокультурные особенности тенденций метафорического переноса значения компонентного состава фразеологической единицы в каждом конкретном случае, учитывая системную организацию его ментальной сущности.

**Межъязыковые соответствия в просодии
нейтрального побуждения
(на материале русского и кабардино-черкесского
языков)**

Проведенный сопоставительный анализ просодических структур нейтрального побуждения в русском языке и нейтрального побуждения в кабардинском языке в официально-деловом стиле, показал, в кабардинском побуждении, сравнительно с русским, высотные интервалы расширены, крутизна повышения тона в положительном интервале выше, частотный максимум и минимум фиксируется на более высоком уровне.

Громкость кабардинского нейтрального побуждения зафиксирована на более высоком уровне, характер движения интенсивности также различен – в кабардинском побуждении движение интенсивности волнообразное, в русском – ступенчатое.

При сопоставлении просодических структур русских и кабардинских нейтральных побуждений в непринужденном стиле выяснилось, что сравнительно с русским нейтральным побуждением, в кабардинском происходит расширение тонального диапазона фразы, максимальный положительный и отрицательный интервалы увеличиваются в объеме примерно на один положительный уровень. Также кабардинское побуждение реализуется с большей крутизной повышения тона.

Анализ темпорального и динамического компонентов показал, что нейтральное побуждение в кабардинском языке характеризуется увеличением длительности фразы, среднеслоговая интенсивность реплик не противопоставлена. Локализация энергетического максимума реализаций различна – в русском языке максимально интенсивен первый ударный слог, в кабардинском – инициальный.

В результате проведенного анализа нами был сделан вывод о том, что маркированность кабардинского побуждения на фоне русского создается посредством: 1) повышения громкости и замедления темпа примерно на один уровень, чаще всего за счет большей динамической и темпоральной проминантности финального компонента; 2) расширения тонального диапазона и повышения регистровых границ; 3) увеличения объема высотных интервалов; 4) увеличения крутизны повышения тона.

Следующим существенным выводом является вывод о том, что фоностилистический аспект высказывания мотивирует возникновение значительных различий в просодическом оформлении исследуемых вариантов фраз. Самыми контрастными характеристиками, создающими фоностилистическую специфику, являются частота основного тона и интенсивность – в непринужденном стиле резко повышается активность частоты основного тона в более широких высотных интервалах, расширяется тональный диапазон, высотнотональный уровень начала фразы реализуется примерно на один уровень выше. Противопоставление стилей по интенсивности свидетельствует о большей энергетической проминантности непринужденного – среднеслоговая интенсивность фраз в данном стиле выше.

**Заграевская Т.Б.
ПГЛУ**

Гендерный аспект воздействующей функции оценки

В электронных типах дискурса гендерная составляющая «пропитывает» всю структуру виртуальной языковой личности. Гендерные роли (мужские, женские или неопределенные, что представляет особый интерес, поскольку появление подобного рода гендерной идентичности возможно лишь в виртуальной среде), выбранные коммуникантами в электронных типах дискурса, предопределяют стиль их речевого поведения.

Для женского стереотипа поведения типичен так называемый модус вежливости. Женщины произносят больше извинений, благодарностей, реже перебивают друг друга. Женской коммуникации присущи эмпатия, сочувствие, поддержка, коммуникативное сотрудничество. Для мужчин более характерно стратегия коммуникативного соперничества, участие в оценочных речевых актах, содержащих конфликтную ситуацию, в то время как для женщин – участие в речевых актах вербализующих ситуации обмена опытом, обсуждения проблем. Мужчины общаются между собой так же часто, как и с представителями противоположного пола. Женщины же в синхронной коммуникации отдают предпочтение мужчинам. Женская речь более номинативна, экспрессивна, в мужской речи отмечается приближенность к разговорной речи, умеренная экспрессивность. Выражая оценку, мужчины чаще используют вульгаризмы, сленг (особенно при приветствии), утвердительные заявления (часто сопровождающиеся примерами, пояснениями, цитатами), средства саморекламы, иронии и сарказма, задают меньше вопросов, приводят различные точки зрения и высказывают меньше формальных извинений.

Для мужского гендерного стереотипа в электронном дискурсе более свойственно использование фактической оценочной информации логического характера, основанной на четких сведениях, цифрах, превалируют сообщения, состоящие из 3-7 предложений. Если сообщение складывается из 3-5 предложений – то последние являются чаще всего распространенными, утвердительными, могут содержать повелительные конструкции, если сообщения представлены большим числом предложений – то последние являются простыми по своей структуре. При выражении оценочного значения мужчины часто используют графические приемы: заглавные буквы, шрифт, кавычки, многоточие.

Женщины в электронных дискурсах строят оценочные сообщения, используя сложные распространенные предложения (часто восклицательные или вопросительные) с различными конструкциями. Среди синтаксических средств отмечаются прерванные предложения, многосоюзие, повтор местоимения *l*.

Среди графических приемов можно выделить многоточие как наиболее распространенное средство. Для выражения оценки женщины в форуме используют образные стилистические средства и фигуры речи: здесь присутствуют метафоры, интенсификаторы оценки (*so, terribly*), эпитеты, слова, выражающие эмоции (*happy, depressed*), междометия.

Гендерный стереотип предопределяет выбор в предпочтении темы беседы и пропорции использования средств «вежливой» лексики. Женщины чаще всего рассуждают о семье, бытовых проблемах, детях, внешности, настроении, здоровье, чувствах, переживаниях, опыте; мужчины – о делах, карьере, политике, музыке, женщинах.

Несмотря на выявленные черты гендерных стереотипов, о четком контрастном разграничении речевых стилей в электронных типах дискурса говорить не совсем правильно. Коммуниканты, в процессе развертывания дискурса, используют схожие вербальные средства, что не всегда позволяет выявить гендерную принадлежность того или иного собеседника. Этот процесс осложняется глобальным характером виртуальной реальности, в рамках которой реализуются электронные дискурсы, язык которых через призму требований глобальной компьютеризации перенимают этот характер.

Кауфова Л.А.
ПГЛУ

Проблема языковой вариативности

Вариативность – это объективное свойство английского языкового материала, требующее изучения и теоретического осмысления. Исследование вариативности осложняется тем, что она не только порождается территориальными, временными и социальными факторами, но и характеризует портрет отдельной языковой личности. К одним из первых опытов теоретического осмысления относится работа Э.Клима (Klima 1964), который предложил подход, получивший продолжение по двум

направлениям: 1) попытался интерпретировать факты вариативности в системах, сосуществующих в пределах другой, большей системы; 2) указал на возможность описания этих сосуществующих систем в терминах импликационных шкал. Его схема предполагает, что каждый говорящий постоянно пользуется одной из сосуществующих в языке систем. Важно отметить, что по мере роста интереса к реальному речевому поведению говорящих выяснилось, что один и тот же говорящий употребляет попеременно конкурирующие варианты форм часто в идентичных ситуациях. Для решения этой задачи предлагались различные способы. Один из них – попытка объяснить это явление с помощью теории переключения кодов – *code-switching*. Согласно этой теории, в языковую компетенцию говорящего входит несколько кодовых систем, и человек полностью меняет один код речи на другой, переходя от одной грамматической подсистемы к другой. Однако это объяснение не всегда применимо, так как переключение кодов предполагает одновременное изменение целого набора признаков, что далеко не всегда имеет место. В действительности происходит лишь частичное и спорадическое использование элементов, не свойственной ему грамматики. Кроме этого, переключение кодов является реакцией говорящего на изменение в речевой ситуации – на некий стилистический, межличностный, тематический или ситуационный сдвиг, где приводится экспериментальное доказательство. Довольно часто вариативность наблюдается при неизменности экстралингвистического контекста. Отсюда следует, что идея переключения кодов объясняет далеко не все ситуации реальной речи.

Еще один способ объяснения вариативного речевого поведения, который заслуживает внимания, это идея панлектальной грамматики. Название происходит от *пан* «все» и *лект* «разновидность языка». Согласно этой теории, для получения адекватной картины языковой компетенции говорящего нужно учитывать не только его речевое поведение, т.е. активную компетенцию, но и способность понимать и воспроизводить речь людей, использующих иную разновидность языка, причем пассивная компетенция

говорящих должна превосходить активную. Однако выяснилось, что такой компетенцией реально не обладает ни один носитель английского языка, и создание подобных грамматик не представляется возможным. Это подтвердил П. Традгилл, приведя убедительные примеры того, как англичане оказывались не в состоянии правильно понять или успешно изобразить речь своих соотечественников, носящих иной диалект, а также примеры коммуникативных неудач в диалогах между англичанами и американцами, канадцами, ирландцами и т.д. Работа над созданием панлектальных грамматик был заменена созданием полилектальных грамматик, авторы которых стремились охватить многие, но не все разновидности языка (диалекты, лекты). Однако П. Традгилл утверждает, что при этом возникают такие вопросы, как: законно ли включение более одной разновидности языка в одну грамматику и если да, то, сколько разновидностей можно включить туда одновременно. На первый вопрос лингвист отвечает отрицательно, особенно учитывая невозможность ответить на второй. При этом он акцентирует внимание на важности аспекта степени языкового различия между диалектами. Вероятно, вариативность должна изучаться особым разделом лингвистики – теорией вариативности.

Таким образом, проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности как к свободному варьированию, которое не заслуживает внимания лингвистов. Для английского языка, отличающегося поливариантостью, необходимость теоретического осмысления вариативности языковых единиц чрезвычайно актуальна. В настоящее время в ходе изучения вариативности вопросов больше поставлено, чем решено.

Стилистические особенности в просодии уступительности

Уступительность характеризуется значительным разнообразием семантических оттенков и структурных вариантов. Для получения полной картины ее просодической экспликации важно охватить как можно больше семантико-синтаксических видов предложений со значением уступительности. Уступительное высказывание с финальной позицией concessивного компонента характеризуется определенным просодическим своеобразием как в русском языке, так и в американском английском. Русский КК в данном случае реализуется с одним из терминальных тонов с нисходящей конфигурацией, отдавая предпочтение средненисходящему.

Различные сочетания терминальных тонов доминирующего и concessивного компонентов (ДК и КК) создают основу для стилистической дифференциации уступительных высказываний. Так, нисходяще-восходящий тон КК в сочетании с высоконисходящим или восходяще-нисходящим тоном ДК статистически маркирует американский НН (42,8% в неофициальном стиле против 13,1% в официально-деловом), в то время как сочетание нисходяще-восходящего + средненисходящего превалирует в официально-деловом.

Изменение позиции уступительного элемента в финальном КК обуславливает существенную просодическую модификацию всей структуры. Прежде всего, меняется межкомпонентная диэрема: ДК приобретает просодическую завершенность, отчленяясь от КК темпоральной паузой.

КК, в свою очередь, характеризуется синтагморазделом после уступительного элемента.

Межкомпонентный интервал тона больше в основном за счет низкого уровня завершения ДК.

Главной особенностью американского КК является нисходяще-восходящий терминальный тон в первой синтагме КК (иногда нисходящий + низковосходящий) с темпорально-динамическим контрастом между ядерным и заядерным слогами. Ядерный слог динамически сильнее, темпорально увеличен, несет на себе нисходящую конфигурацию. Уступительный элемент (though) является или единственным, или последним в серии заядерных слогов терминального тона первой синтагмы КК. Он реализуется на ровном, более высоком уровне, чем в завершении ядерного слога, или с восходящей конфигурацией тона.

Вторая синтагма американского КК в своих основных чертах дублирует структуру ДК.

Русский КК реализуется с одним из нисходящих терминальных тонов в первой синтагме. Сфера уступительного элемента – заядерная часть. Контрасты внутри терминального тона не столь ярки, как в американском КК.

Внутриязыковые стилистические дифференциации проявляются в различной степени рекуррентности контрастных сочетаний. Например, в русском неофициальном стиле выше рекуррентность увеличенной + краткой длительности (54% в непринужденном против 14% в официально-деловом). Темпоральное противопоставление ядерного и заядерных слогов в НО практически сглажено. В американском английском более активную стиледифференцирующую роль выполняют признаки интенсивности и направления тона на терминальном участке.

**Переяшкина Л.Н.
ПГЛУ**

Отрицание как функционально-семантическая категория

1. В процессе функционирования языка отрицание может тесно соприкасаться и взаимодействовать с категориями модальности и предикативности. Модальный характер отрицательных конструкций представлен в концепции А.

Вежбицкой, которая интерпретирует отрицание как субъективно-волевой «модальный примитив», в рамках которого категории отрицания сопоставляется с идеей желательности.

Включение отрицания в число модальных значений связано также с пониманием отрицания как субъективной оценки содержания предложения или как нереальность существования чего-либо. Последнее положение отражено в работах В.Г. Адмони, в которых высказывается идея о том, что категории утверждения и отрицания являются основными формами модальности: утверждение понимается автором как выражение реальности, а отрицание связано с выражением нереальности отражаемых в предложении связей и явлений действительности. Данная точка зрения не представляется нам убедительной потому, что как положительные, так и отрицательные предложения в равной степени отражают факты окружающего нас мира.

Особенность английского языка заключается в том, что для образования отрицательной формы от большинства глаголов в настоящем и прошедшем времени служит специальный вспомогательный глагол «do». Это позволяет говорить ряду лингвистов об особой модальной категории отрицательности (наклонении).

Неправомерной, на наш взгляд, представляется интерпретация отрицания как особой формы предикативности, так как это свойство есть отнесение содержания высказывания к действительности независимо от его формы – утвердительной или отрицательной. Некоторые типы предложений не могут быть отрицательными, но всегда предикативны.

2. Отрицание является маркированным членом оппозиции: утверждение – отрицание. Данная маркированность отрицательных высказываний больше всего проявляется в прагматических пресуппозициях. Так, например, высказывания типа '*When John does't come, I'll leave*' являются абсурдными с точки зрения прагматики дискурса.

3. Одной из основных прагматических функций отрицательного высказывания в речи является отклонение или коррекция мнения участника коммуникации.

Отрицательные предложения в дискурсе представляют собой особый речевой акт, отличный от соответствующего утвердительного. Основная функция утвердительных предложений в речи – это передача новой информации, основанная на неосведомленности слушающего. Отрицательные же высказывания, базируясь на предполагаемом заблуждении адресата, служат для того, чтобы опровергнуть, отклонить предположительно неверное мнение или суждение. Когда говорящий произносит подобного рода предложение, то имеется в виду, что его общее информативное содержание уже известно слушающему и образует фон, то есть совместное знание, по отношению к которому негативное суждение может быть интерпретировано как уместное. Одним из интересных исследований в этой области является концепция, согласно которой основное различие между утвердительными и отрицательными предложениями в речи определяется пресуппозиционной маркированностью отрицательных высказываний. Прагматические пресуппозиции мотивируют маркированность «негативов», которая проявляется в ограничениях на лингвистический и экстралингвистический контекст, а также в «психологической сложности» отрицательных конструкций (говорящему, например, требуется больше времени, чтобы воспроизвести отрицательное суждение, чем соответствующее утвердительное).

4. Полагаю, что отрицание должно рассматриваться как самостоятельная языковая категория, так как оно представляет собой компонент мысли (понятия, суждения, умозаключения) в языковой форме. Поскольку отрицание в языке может выражаться не только грамматическими и лексическими, но и фонетическими средствами и оформляется как эксплицитно, так и имплицитно, мы считаем целесообразным рассматривать ее как функционально-семантическую категорию.

Телефонная коммуникация и межкультурная компетенция

Явление телефонной коммуникации неотделимо от шаблонности, вследствие чего, участники данного вида общения используют наиболее привычные, употребительные типы телефонных высказываний, которые прошли проверку временем и языком.

Опосредованное общение в любой языковой среде, даже несмотря на свою клишированность, шаблонность, неизменно рассчитано на индивидуальность собеседника. Поэтому знание и умение использовать телефонные речевые клише определяют успешность данного вида коммуникации.

Прежде всего, следует оговориться, что основоположниками в изучении телефонного общения являются ученые США, разработки которых по данному вопросу относятся еще к середине 80-х гг. XX в. Они выделили ряд универсалий, характеризующих начало данного вида общения: а) компактность по содержанию и объему затраченного времени, б) установление межличностного контакта определяется набором определенных (формальных) фраз, в) наличие четырех «ядерных» операций, открывающих телефонную коммуникацию, г) достаточно высокий автоматизм начала телефонной коммуникации, д) своеобразное право «первой темы». Эти положения до сих пор являются отправной точкой для дальнейших исследований в этой области.

Ученые, изучающие телефонное общение в различных языках, отмечают вариантное наличие всех универсалий. Но наибольшей модификацией, все же, отличается начало телефонной коммуникации. Как правило, своеобразие начала телефонной коммуникации кроется не только и не столько в своеобразии того или иного языка, сколько в психологической картине мира коммуникантов и их отношении к опосредованному общению.

Например, в Англии к телефону относятся, прежде всего, как к средству, обеспечивающему достаточно быстрый и легкий путь для установления деловых контактов. Во Франции звонок рассматривают как нечто, причиняющее беспокойство, а не как наличие адресанта в качестве партнера для коммуникации. Американцы, в свою очередь, интерпретируют ответ на телефонный звонок, как своеобразный знак того, что канал коммуникации открыт, практически не беспокоятся по поводу того, что звонок может причинить беспокойство абоненту, не обращают внимания на формальности, достаточно часто прерывают собеседника на середине фразы. В Финляндии прерывание собеседника не только встречается достаточно редко, но и происходит, как правило, в конце фразы. Достаточно высокой клишированностью отличается также японское опосредованное общение. В корейской же традиции довольно ярко проявляет себя фольклорно-этикетное наслоение, акцентируясь на репликах самопредставления. В Греции опосредованное общение имеет очень много схожих черт с американским в плане вариативности: греки стараются избегать формальностей, не называют имя и свой телефонный номер, и ряд других.

В последние десятилетия резко возрос контакт между западными и восточными культурами, что не могло не отразиться и на телефонной коммуникации. Ученые, занимающиеся данной проблемой, выяснили, что ввод новой темы происходит в западной культуре по схеме «звонок-ответ-тема» (в которой «первая тема» в основном презентуется сразу же после того, как звонящий установил контакт с адресатом), в азиатской же – «звонок-ответ-обмен приветствиями-тема» (где тема звонка даже не будет затронута до тех пор, пока не будет достаточного по времени и содержанию обмена приветствиями и пожеланиями здоровья). Поэтому азиатский респондент посчитает западного ответчика очень жестким и даже грубым, потому что тот практически не затронет этапов обмена приветствиями и пожелания здоровья, в то время как западный коллега решит, что тема для звонка, в принципе, не очень существенная из-за достаточно внушительной части приветствия.

Все вышесказанное лишний раз подтверждает, что успешность межкультурной телефонной коммуникации зависит от четкого осознания разного рода отличий в языковых и культурных традициях коммуникантов.

Халеева С.А.
ПГЛУ

Типологические черты в просодии кульминационного компонента спортивного радиокomentarия футбольного матча

Спортивный радиокomentarий футбольного матча в русском и английском языках характеризуется рядом типологических и конкретно-языковых черт. Объектом экспериментально-фонетического исследования стали тексты футбольных комментариев в реализации русских, британских и американских дикторов в трех модальных вариантах – нейтральном, положительном и отрицательном. Анализ просодических характеристик производился с позиции предварительного условного разделения текстов футбольного радиокomentarия на три функциональные компонента – нарративный (простое изложение событий матча), предкульминационный (предшествующий объявлению гола), кульминационный (момент объявления гола). Особый интерес представляют результаты, полученные в ходе анализа экспериментальных данных по кульминационному компоненту. С точки зрения паузации, четко прослеживается зависимость данного параметра от напряженности хода событий игры. Приближение к кульминационному моменту сопровождается темпоральным сокращением пауз, особенно в комментарии с положительной модальностью. Нежелательному, с точки зрения комментатора, голу могут предшествовать большие паузы. Анализ слоговыделенности указал на тенденцию дополнительного выделения безударных слогов с нарастанием эмоционального напряжения при переходе к кульминационному компоненту. По вопросу распределения типов шкал можно

отметить повышенную степень рекуррентности высокого ровного типа в рамках текстов с положительной модальностью, и среднего ровного и низкого ровного типов в текстах с отрицательной и нейтральной модальностью. При достаточно высокой тональной вариативности футбольного радиокomentarия вообще, объявление гола всегда проходит в рамках нисходящего тона. Темпоральные характеристики комментария напрямую зависят от хода матча. Влияние модальности на данный параметр особенно ярко проявляется в рамках кульминационного компонента. Если в текстах с положительной модальностью мы можем констатировать снижение показателей темпа (до замедленной градации), то в текстах с отрицательной модальностью данная тенденция не наблюдается. Что касается громкости футбольного радиокomentarия, при положительном отношении диктора к ходу событий матча наблюдается поэтапное повышение показателей по данному параметру в ходе нарастания эмоционального напряжения при приближении к моменту объявления гола. Тексты с отрицательной модальностью не следуют данной тенденции, и наибольшие показатели громкости в них могут приходиться на предкульминационный компонент. По вопросу среднеслоговой длительности русский футбольный радиокomentarий характеризуется увеличением показателей в момент объявления гола до общетекстового максимума, причем в текстах с положительной модальностью показатели могут достигать максимальной градации. С позиции параметра среднеслоговой интенсивности, маркированность кульминационного момента наблюдается лишь при положительном отношении диктора к ходу событий матча. Английский (британский и американский) радиокomentarий характеризуется преобладанием больших пауз перед кульминационным компонентом в текстах с отрицательной модальностью и малых – с положительной. Данный компонент является маркированным с точки зрения слоговыделенности. Объявление гола происходит в рамках высокого нисходящего тона при резком замедлении темпа. Повышение громкости в сравнении с предшествующим компонентом можно отметить для текстов с положительной модальностью. В текстах с

отрицательной - уровень громкости, как правило, не превышает уровня предкульминационного момента. Кроме того, наблюдается расширение тонального диапазона, увеличение среднеслоговой длительности, повышение уровня среднеслоговой интенсивности.

Безус С. Н.
ПГЛУ

Грамматические категории делового письма на английском языке

Письменная форма языка деловых писем является подстилем официально-делового стиля и обладает всеми присущими этому стилю особенностями: стандартность, официальность, ясность, краткость, логическая последовательность. Приведём примеры основных стилеобразующих грамматических категорий делового письма на английском языке.

С грамматической точки зрения в деловых письмах активные и пассивные формы соотносятся как 56,5:43,5. [Суханова И.Д. Композиционно-структурные и лингвостилистические параметры текстов жанра коммерческой корреспонденции английского языка.: Дис ... канд. филол. наук. – М., 1984. – С. 174.]

В жанре деловой корреспонденции в большом количестве наблюдаются все виды пассивных конструкций. Наиболее частотными из них являются «подлежащее + *to be* + *past participle*». Например: *Our best attention will be given to your order.* Что касается форм пассива, то в текстах деловых писем первое место принадлежит пассивному инфинитиву: *We hope to be favoured. Insurance is to be effected by the shipper.*

По мнению многих исследователей (Н.Н. Разговоровой, 1983; И.Д. Сухановой, 1984; Г.Н. Насыровой, 1998), деловые документы характеризуются определенной частотой употребления различных временных глагольных форм, причем чаще всего встречается *Present Indefinite*.

Например, в контрактах, как правило, выступает время *Present Indefinite*. В преамбуле применяется *Present Continuous*. В таком типе делового письма как «запрос» употребляются только активные конструкции. Используются формы *Present* и *Future Indefinite*, *Present Continuous*, *Present Perfect*. При этом формы *Present Continuous* и *Present Indefinite* характерны для интродуктивного блока письма. В интродуктивном блоке адресантом используется форма *Present Continuous* для создания атмосферы непосредственного общения с адресатом, например: *We are writing to you on behalf of our principals in Canada who are interested in importing chinaware from England.*

В основном блоке используются, в основном, формы *Future Indefinite*, *Present Perfect*: *We hope you will be able to help us in this instance, and can add that if your products and terms are as competitive as we have been led to believe, we will be interested in a long-term contract with you.*

В заключительном блоке наряду с *Present Indefinite* употребляется и *Present Continuous* при вежливом завершении контакта: *We look forward to hearing from you* или *I am looking forward to hearing from you.*

В деловых письмах преимущественно употребляются составные именных сказуемые вместо глагольных: *to be in receipt* вместо *to receive*; *to take note* вместо *to note*; *in confirmation of* вместо *to confirm*; *in reply to* вместо *to answer*; *in reference to* вместо *to refer*.

Значительную роль в формировании относительной номинальной тенденции в деловых письмах играют и наречные определения времени и условия: ... *our Mr. Short having discussed these terms ... when last on Manchester.*

Относительная номинальная тенденция в деловом письме на английском языке реализуется также и частотным употреблением именных отглагольных форм: gerunds (*We are desirous of extending ...*); participles (*the report ... being a satisfactory one ...; we shall be pleased ...*).

Для выражения просьбы обычным средством является сочетание «глагол в повелительном наклонении + наречие *please*» или «глагол в повелительном наклонении» в сочетании с

фразами *will you please* или *let us do*, например: *Please send us your catalogue. Please let us have an estimate of ...*

В условных предложениях, выражающих просьбу, глагол придаточного предложения (после *if*) обычно представляет сочетание “*will/would*” с инфинитивом. “*Will/would*” в этом случае не являются вспомогательными глаголами, а служат для выражения просьбы: *We shall (should) be obliged if you will (would) inform us ... We shall (should) be pleased if you will (would) let us have ...*

**Павлова Ю.В.
ПГЛУ**

Функции невербальных аттрактантов внимания в коммуникативном акте (на материале современного английского языка)

Любой коммуникативный акт происходит в некоторой реальной ситуации, в наглядно-чувственной обстановке, что объясняет использование невербальных средств общения, сопровождающих высказывание.

И.Н. Горелов отмечает, что в человеке с самого начала жизни воспитывается навык распределения внимания между вербальными и невербальными частями коммуникативного акта, всегда включенного в более широкую сферу, чем собственно речевая деятельность [1, 90]. Вступая в коммуникацию, говорящий и слушающий сосредотачиваются на предмете сообщения, формируют фокус внимания высказывания. Коммуникант, имея определенные цели, может привлечь внимание собеседника (вербальными и невербальными коммуникативными ходами) к актуальному факту или явлению, сфокусировать сосредоточенность адресата на нем. Для правильной интерпретации сообщения адресат должен анализировать не только вербальные, но и невербальные средства коммуникации, и экстралингвистическую ситуацию общения.

Невербальные средства общения могут быть использованы как аттрактанты внимания в следующих функциях:

- 1) Привлечение внимания к референту сообщения, например:
Jack pointed down.
 “That’s where we landed” .
 (W.Golding, Lord of Flies, p. 36)
- 2) Привлечение внимания к последующему сообщению (риторическая функция), например:
 “Let him be chief with the trumpet thing.”
Ralph raised a hand for silence.
 “All right. Who wants Jack for chief?”
 (W.Golding, Lord of Flies, p. 27)
- 3) Привлечение внимания для установления контакта, для начала разговора (контактоустанавливающая функция), например:
She stood up in the boat, took off her hat and brandished it like a battle standard. “Mr. Bustard! Mr. Bustard! Don’t pass us by!”
 (P.Lovesey, Swing, swing together, p. 61)
- 4) Привлечение внимания одного из множества присутствующих коммуникантов, например:
 “In that case”, said Cribb, turning to Harriet, “I shall be compelled to commit you to this officer’s care for a few moments, Miss Shaw.
 (P.Lovesey, Swing, swing together, p. 36)
- 5) Привлечение внимания к какому-либо факту, например:
 “I wanted to be alone with you. Look what I have”.
I waved the envelope at her. She immediately recognised the letterhead.
 “Hey - Harvard Law School! Have you been kicked out?”
 (E.Segal, Love Story, p. 125)
- 6) Привлечение внимания для предостережения / предупреждения, например:
 “No!” he said. “Only you’ve got to start in twenty-five minutes”.
 “Have I?” she cried. Suddenly he held up a warning finger, and rose to her feet.
 (D.H.Lawrence, “Lady Chatterley’s Lover”, p. 260)

Итак, для достижения перлокутивного эффекта, а именно: привлечения внимания – адресант может использовать как вербальные, так и невербальные средства общения, или их определенную комбинаторику.

Библиографический список

1. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации [Текст] / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. –104 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ
CONTENT
Пленарное заседание

Пленарное заседание

Уфимцева Н. В.	Культура сквозь призму языкового сознания	13
Чернявская В.Е.	Какие текстовые границы нужны лингвисту? Поликодовые и гибридные тексты	14
Лотман М.	Лингво-семиотические модели страха	16
Золян С.Т.	Язык и дискурс	18

Секция 1 – Прагматика, текст, дискурс и проблемы перевода

Радько Г.А.	Перевод как межъязыковая и межкультурная коммуникация	28
Маргарян Б.О.	Экспрессивная графика текста как компонент семантической структуры и способы ее передачи (на материале рассказов Э.А. По и их перевода на армянский и русский языки)	30
Нинуа Э.	Коммуникативно-прагматический потенциал метаграфемки в полифоническом повествовательном контексте	31
Минасян А.М.	Прагматическая установка на активизацию структур знаний, релевантных для понимания концептуальной информации текста	33
Hambardzumyan D.	The Implication of “A Portrait of the Artist as a Young Man” by J. Joyce Conceivable Through “Background Knowledge”	35

Багдасарян С.А., Гюрджаянц С.М. Флджян Л.Г.	Языковые особенности спортивного комментария Глобальная коммуникация как новая культура	36 39
Белоглазова Е.В.	Полидискурс как объект лингвистического анализа	41
Налчаджян К. А., Авакимова Е. В.	Психологическое воздействие дискурса на межличностное и межгрупповое восприятие при межкультурной коммуникации	43
Museyan R.	Tattoos as Bearers of Cultural Information	45
Юдсон М.В.	Учёт прагматических факторов при переводе публицистики	47
Авакова М.Л.	Дискурсивные частицы и грамматикализация	48
Galstyan E.	The role of frames in political discourse	50

Секция 2 - Проблемы методики преподавания языков

Ксоврели Э.	Многоязычие в киберпространстве как обязательный компонент подготовки многоязычных специалистов	52
Будняя О. Н.	Основные тенденции обновления содержания обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке в вузе в условиях поликультурной среды	53
Kharatyan M., Minassyan N.	The Role of Intercultural Competence in Foreign Language Teaching and Learning	55
Явурян Ш.А.	Проблемы преподавания английской политической лексики в языковом вузе	57

**Секция 3 - Вопросы лингвокультурологии и теории
коммуникации**

Шлыкова Е.И.	Формирование межкультурной компетенции в рамках поликультурного пространства	60
Hovhannisyan F.	Proverbs as a means of understanding different cultures through language learning	62
Isahakyan H.	Culture shock	64
Давыденко Л.Г.	Культура речи – условие эффективной коммуникации	66
Маркосян Г. В.	Иноязычная лексика в контексте межкультурной коммуникации	68
Витман Т. Б.	Диалог культур (на примере Франции и России)	71
Гоголашвили К.	Роль языковых элементов в воссоздании картины контактов древних культур	73

**Секция 4 - Проблемы современной
лексикологии и дериватологии**

Балясникова О.В.	Антонимические пары в ассоциативно-вербальной сети	75
Ходжаян Т.	Коннотативные значения глаголов, выражающих неопределенность знания.	76
Амбардарян Г. Г.	К вопросу эмоциональной оценки редуцированных образований (на материале армянского, русского и английского языков)	78
Кожелупенко Т.П.	Сленг как социально – психологическая категория	80
Абрамян К.Ш.	Когнитивное словообразование и языковая картина мира	82

Оганесян А. С., Сафьян Ю. А.	О социокультурном формате армянского ономастикона в зарубежной лингвистической лексикографии	84
Yeghiazarian G.	Language, Culture and Cognition. Cultural Markedness of Phraseological Units	86

Секция 5 - *Сопоставительное изучение языков и межкультурная компетенция*

Махнева О. А.	Сравнительно-сопоставительное изучение лексики как фактор формирования межкультурной компетенции	89
Бадалян Л.	Культурно-языковые факторы и их отражение в словообразовательных возможностях глаголов (на мат. англ. и арм. языков)	91
Hayrapetyan A.	On cultural universals in English and Armenian phrases Containing food names	93
Asatryan L.	Special Cases of Ellipsis in English and Armenian: A Communicative Approach	96
Kharatyan T.	Main Verbal Strategies of English Politeness and their Equivalents in Armenian	98
Luarbishvili V.	The facets of the concept of romantic literature reflected in diverse cultural and linguistic traditions of Georgian, Russian and Spanish languages	99
Маркосян Л.Е.	О концепте “действие” и его спутниках в русском и армянском языках	100

Заключительное пленарное заседание

Брутян Л.Г.	Гендерные различия в обращениях как проблема межкультурной коммуникации	105
Гаспарян Г.Р.	Когнитивная база как основа формирования глобальной связности текста в межкультурном пространстве	107
Дубовский Ю.А.	Просодические особенности диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом в английском языке	109
Hovhannisyan G.	Global English and Intercultural Communication	111

Заочные участники

Айрапетян Л. С.	Социокультурные компетенции и ее роль в процессе изучения иностранного языка.	113
Грейдина Н.Л., Дубовский Ю.А.	Модели визуального поведения как семиотическая подсистема коммуникативной деятельности	116
Дубовская А.В.	Англо-русские соответствия фразеологизмов номинации некоторых видов зоонимов	120
Гончарова О.В.	Межъязыковые соответствия в просодии нейтрального побуждения (на материале русского и кабардино-черкесского языков)	122
Заграевская Т.Б.	Гендерный аспект воздействующей функции оценки	123
Кауфова Л.А.	Проблема языковой вариативности	125
Кузнецова М.С.	Стилистические особенности в просодии уступительности	128

Переяшкина Л.Н.	Отрицание как функционально-семантическая категория	129
Пономарева Н.Ю.	Телефонная коммуникация и межкультурная компетенция	133
Халеева С.А.	Типологические черты в просодии кульминационного компонента спортивного радиокomentarия футбольного матча	134
Безус С. Н.	Грамматические категории делового письма на английском языке	136
Павлова Ю.В.	Функции невербальных аттрактантов внимания в коммуникативном акте (на материале современного английского языка)	138

Компьютерная верстка – компьютерный центр ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова
(руководитель - доцент В.В.Варданян)

Операторы: Н.М.Элчакян
С.В.Аракелян

Подписано к печати: 10.05.08
Сдано в печать: 17.05.08

Тираж 120

Издательство “Лингва”
Ереванский государственный лингвистический университет им. В.Я.Брюсова
Адрес: Ереван, Туманяна 42
Тел: 53-05-52
Web: <http://www.brusov.am>
E-mail: yслу@brusov.am